

John R.R. Tolkien

Hobbit

Джон Р.Р. Толкин

Хоббит

в переводе
В.Маториной

Легендариум Средиземья

Джон Толкин

Хоббит

«Издательство АСТ»

1937

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Толкин Д. Р.

Хоббит / Д. Р. Толкин — «Издательство АСТ»,
1937 — (Легендариум Средиземья)

ISBN 978-5-17-122764-7

«В земле была нора, а в норе жил хоббит». Эти слова написал Джон Рональд Руэл Толкин на обороте школьной экзаменационной работы, которую проверял одним жарким летним днем. И кто бы мог подумать, что именно из них, как из волшебного зернышка, произрастет одно из самых известных произведений мировой литературы... В данное издание вошел перевод В. Маториной.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-122764-7

© Толкин Д. Р., 1937
© Издательство АСТ, 1937

Содержание

Глава первая. Неожиданная вечеринка	6
Глава вторая. Баранье жаркое	20
Глава третья. Короткий отдых	29
Глава четвертая. В горах и в пещерах	34
Глава пятая. Загадки во мраке	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Джон Роналд Руэл Толкин

Хоббит

J.R.R. Tolkien
THE HOBBIT

© The J.R.R. Tolkien Copyright Trust 1937, 1951, 1966, 1978, 1995, 1997

© Перевод. В. Маторина, наследники, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

* * *

*Посвящаю перевод «Хоббита» Алексею Побережнику,
вдохновителю этой работы и первому ее читателю
В. А. М.*

Глава первая. Неожиданная вечеринка

В норе в склоне холма жил да был хоббит. Бывают норы неудобные, грязные, мокрые, в которых полно червей и пахнет сыростью; бывают сухие, вырытые в песке, но голые, в них не на чем сидеть и нечего есть. Это же была настоящая хоббичья норка, а хоббичья нора означает прежде всего уют.

Дверь норы была совершенно круглая, как иллюминатор, крашенная в зеленый цвет, с блестящей желтой медной ручкой точно посередине. Длинный ход за дверью, напоминавший штольню круглого сечения, очень удобен, совсем не закопчен, с деревянными панелями и плиточным полом, утепленным ковриками. Там были стулья из полированного дерева и множество вешалок и крючков для шляп и пальто – хоббит любил гостей. Ход штольни вился довольно далеко, хоть и не прямо в склон холма, который все в округе называли Круча, и из него открывалось множество маленьких круглых дверок в обе стороны. Хоббиты не признавали верхних этажей: все спальни, ванны, чуланы, кладовые для продуктов (а их было много), гардеробные (у этого хоббита имелись целые комнаты специально для одежды), кухня, столовая – все были на одном этаже и выходили в один коридор. Лучшие комнаты располагались слева (если смотреть от входа) и только в них были окна, глубоко посаженные круглые окна, выходящие в сад. Кроме сада из окон были видны долины и пастбища, полого спускающиеся с Кручи к Реке.

Наш хоббит был очень зажиточным и носил фамилию Торбинс. Торбинсы жили на Круче и вокруг нее с незапамятных времен, все их считали весьма порядочными и уважаемыми не только за то, что многие из них были богаты, но и за то, что с ними никогда ничего не случилось, они не пускались в приключения и не делали ничего неожиданного. Что любой Торбинс мог подумать и сказать по любому поводу, было настолько очевидно, что можно было не спрашивать.

Эта история расскажет, какое приключение случилось с одним из Торбинсов, и как он стал делать и говорить совершенно неожиданные вещи. Может быть, он потерял уважение соседей, но зато приобрел... ладно, сами увидите в конце, приобрел он что-нибудь или нет.

Мама нашего хоббита... – да, а кто такой хоббит? Наверное, в наше время это следует объяснить, потому что хоббиты стали редки и избегают встреч с громадинами, как они называют нас, людей. Они мелкорослы – нам примерно по пояс, даже меньше, чем бородатые гномы. Хоббиты – безбородые. Они совсем или почти не умеют колдовать и из колдовства знают только мелкие каждодневные трюки, например, как быстро и тихо исчезнуть, когда огромный тупица, вроде нас с тобой, неуклюже топает, как слон, где-то рядом (а этот топот хоббиты слышат за милую). У них обычно круглые животики, они вообще склонны к полноте. Одеваются они во все яркое (чаще всего в зеленое и желтое), обуви не носят, потому что у них на подошве естественная толстая кожа, а ноги обрастают густой бурой шерсткой, похожей на кудрявые волосы на голове; у них длинные ловкие коричневые пальцы, добродушные лица и глубокий сочный смех (особенно охотно они смеются после обеда, а обедают по два раза в день, если повезет). Ну, пожалуй, на первый случай, чтобы иметь о них представление, хватит.

Так вот, как я уже говорил, мама этого хоббита – Бильбо Торбинса – была легендарная Беладонна Тук, одна из трех знаменитых дочерей Старого Тука, вождя клана хоббитов, живших за Рекой. Так хоббиты называли ручей, журчавший под Кручей. В других хоббитских семьях поговаривали, что давным-давно один из предков Тука взял себе жену из эльфов. Это, конечно, вздор, но в Туках явно проглядывало что-то не совсем хоббичье, и время от времени кто-нибудь из них срывался за приключениями. Они исчезали тайно, и семья тщательно это скрывала, но все равно Туки не пользовались таким уважением, как Торбинсы, хотя, несомненно, были богаче.

Правда, с тех пор как Беладонна Тук вышла замуж за господина Бонго Торбинса, никаких приключений у нее вроде не было. Бонго, отец Бильбо, выкопал и обставил для нее (и частично на ее средства) роскошную хоббичью нору, лучше которой не было ни под Кручей, ни за Кручей, ни за Рекой, и в ней они вместе прожили до конца жизни. Однако, вполне возможно, что ее единственный сын Бильбо, который внешне был точной копией своего солидного и любившего комфорт папашы и вел себя поначалу точно так же, получил в наследство от Туков некоторую странность, только и ждавшую случая, чтобы выйти наружу. Случай такой представился, когда Бильбо было 50 лет или около того. К этому времени он уже стал вполне взрослым и жил один в прекрасной хоббичьей норе, построенной его отцом (именно ее я описал вначале). Казалось, что он засел в ней навсегда.

Случилось так, что однажды утром после завтрака, когда все было спокойно (вообще в те времена в мире было больше зелени, меньше шума, хоббитов было много, и они процветали), Бильбо Торбинс стоял у двери, куря деревянную трубку, такую длинную, что она свисала ниже его аккуратно причесанных коленок, и к нему подошел Гэндальф.

Гэндальф! Если бы вы слышали только четверть того, что слышал о нем я (а я слышал малую долю того, что рассказывают), вы бы уже при одном упоминании этого имени приготовились к самому невероятному.

Где он появлялся, там тотчас же прорастали удивительнейшие истории и начинались приключения. В эти края Гэндальф наезжал последний раз уже давным-давно, а точнее, еще при жизни своего друга Старого Тука, и местные хоббиты успели почти забыть, как он выглядит. Он ушел через Кручу за Реку по своим делам, когда все они были хоббитами. Так что ничего не подозревавший Бильбо в то утро увидел всего лишь старика с тростью, в островерхой синей шляпе, сером плаще до пят, с серебристым шарфом, поверх которого лежала длинная, ниже пояса, белая борода, и в огромных черных сапогах.

– Доброе утро! – сказал Бильбо, не вкладывая в эти слова никакого другого смысла.

Утро действительно было хорошее, ярко светило солнце и трава казалась особенно зеленой. Но Гэндальф посмотрел на него из-под кустистых бровей, свисающих за поля шляпы, такие они были длинные, и спросил:

– Что ты имеешь в виду? Это ты желаешь мне доброго утра или говоришь, что утро доброе независимо от того, хочу я этого или нет; или что тебе хорошо в это утро, или что это – утро, в которое надо быть добрым?

– Все сразу, – сказал Бильбо. – И еще это очень подходящее утро, чтобы выкурить трубочку во дворе. Если у вас есть трубочка, присаживайтесь, отведайте моего табачку. Спешить некуда, впереди – целый день!

И Бильбо сел на лавочку у дверей, закинул ногу на ногу и выпустил красивое колечко сизого дымка. Оно поднялось в воздух и, оставшись целым и круглым, уплыло за Кручу.

– Очень красивое колечко! – сказал Гэндальф. – Но у меня сегодня утром нет времени кольца пускать. Я тут устраиваю приключение и подыскиваю участника, а такого найти очень трудно.

– Еще бы! В наших-то местах! Мы, хоббиты, народ простой и обыкновенный, и приключения нам ни к чему. От них ужас как неуютно и хлопотно, даже можно обед пропустить! Не понимаю, что в них находят? – сказал господин Торбинс, засовывая большой палец за подтяжку, и выпустил еще одно сизое кольцо, на этот раз побольше.

Потом достал утреннюю почту и стал читать письма, делая вид, что не замечает старика. Он решил, что такой гость ему ни к чему, как и приключения, и ждал, когда он уйдет. Но старик стоял, твердо опираясь на трость, молчал и, не двигаясь, смотрел на Бильбо так, что хоббит в конце концов встревожился и даже слегка рассердился.

– Будьте здоровы! – сказал он наконец. – Доброе утро! Не нужны нам ваши приключения, премного благодарны! Попробуйте поискать за Кручей и за Рекой.

Этим он старался показать, что разговор окончен.

– Как много значения в твоём «Доброе утро», – сказал Гэндальф. – Вот сейчас ты выражаешь им, что хочешь от меня отделаться и что это утро добрым не будет, пока я не уйду.

– Вовсе нет, вовсе нет, уважаемый! Позвольте, я ведь, кажется, не знаю, как вас зовут?

– Знаешь, милейший, знаешь! И я знаю, как тебя зовут, Бильбо Торбинс, и тебе известно мое имя, хотя ты забыл, что оно принадлежит именно мне. Я – Гэндальф и Гэндальф – это я! Только подумать, что сын Беладонны Тук желает мне доброго утра, будто я пришел к нему под дверь продавать пуговицы! До чего я дожил!

– Гэндальф! Гэндальф! Да как же! Тот самый бродячий маг, который дал Старому Туку пару волшебных алмазных запонок! Тот, который за кружкой пива рассказывал чудные истории про драконов, гоблинов и великанов и про то, как спасали принцесс и как везло вдовым сыновьям! Тот, который запускал такие замечательные фейерверки? Я их помню! Богатюшие! Дедушка Тук всегда заказывал их в Дни Середины Лета! Огненные звезды, лилии и ромашки взлетали в небо и висели там весь вечер или падали золотым дождем! (Вы, наверное, уже заметили, что господин Торбинс не был таким уж прозаичным, очень любил цветы и все такое.)

– Ах ты, батюшки! – продолжал он. – Тот самый Гэндальф, из-за которого столько благонравных молодых хоббитов вдруг кидались в неизвестность за странными приключениями! Начинали лазать по деревьям, а доходили до того, что встречались с эльфами или плавали по Морю – на кораблях к чужим берегам! Ей-ей, жизнь тогда была такой инте... Я имею в виду, что вы когда-то переворачивали все с ног на голову в наших краях. Прошу прощения, но я понятия не имел, что вы еще занимаетесь делами...

– А чем мне заниматься? – сказал маг. – Несмотря ни на что, мне очень приятно, что ты хоть что-то обо мне помнишь. Во всяком случае, тебе нравились мои фейерверки, а это уже вселяет надежду. В самом деле, ради твоего дедушки Тука и бедной Беладонны я тебе дам то, на что ты напрашиваешься.

– Прошу прощения, но я ничего не прошу, извините!

– Еще как просишь! Уже два раза. Это ты извини. Получишь, не волнуйся! Я вот тебя и отправлю в это Приключение. Это позабавит меня, принесет несомненную пользу тебе, – и может оказаться весьма выгодным, если справишься.

– Мне очень жаль, но не хочу я никаких приключений. Во всяком случае, сегодня мне приключение не нужно. До свидания, доброе утро! Вот к чаю приходите в любое время. Можно даже завтра. Приходите завтра!

С этими словами хоббит отвернулся и спрятался за круглой зеленой дверью так быстро, как смог себе позволить, чтобы не показаться невежливым. Маги-то они все-таки маги, мало ли чего. «И с какой стати я пригласил его к чаю?» – говорил сам себе Бильбо, пробираясь в кладовую. Он только что позавтракал, но теперь подумал, что пара пряников и стаканчик чего-нибудь ему не повредит.

Тем временем Гэндальф еще стоял за дверью и долго, но тихонько смеялся. Потом сделал шаг к двери и нацарапал концом трости непонятный знак прямо на зеленой краске. А потом ушел, как раз когда Бильбо доедал второй пряник и начинал думать, что удачно избежал приключений.

* * *

На следующий день Бильбо почти забыл о Гэндальфе. Он вообще плохо помнил случайные разговоры, а вчера был слишком взволнован, чтобы написать в блокноте для приглашений «Гэндальф – чай – среда». Но стоило ему усестись пить чай, как у двери раздался громкий звонок, и тогда он вспомнил! Он метнулся в кухню, поставил чайник снова на огонь, принес на стол еще одну чашку с блюдцем, пару пирожных и побежал открывать.

«Извините, что я заставил Вас ждать!» – собирался он сказать, и вдруг увидел, что это вовсе не Гэндальф! Это был гном с голубой бородой, заткнутой за золотой пояс, и со светлыми глазами, ярко блестевшими из-под темно-зеленого капюшона. Как только дверь открылась, он поспешил внутрь, будто знал, что его ждут. Повесив плащ с капюшоном на крючок, он с низким поклоном произнес:

– Двалин. Готов служить!

– Бильбо Торбинс! – сказал хоббит, от удивления не задавая вопросов, так как на минуту от такого нахальства онемел. Но когда молчание, наступившее вслед за приветствием, стало невыносимым, он добавил: – Я как раз собираюсь пить чай; прошу к столу.

Он произнес это без раздражения, хотя и несколько скованно. А что бы вы делали, если бы к вам вдруг явился без всякого приглашения гном и, ничего не объясняя, повесил свой плащ на вешалку?

Они недолго пили чай, во всяком случае, едва успели приняться за третье пирожное, когда звонок зазвонил снова, и громче, чем в первый раз.

– Извините! – сказал хоббит и бросился открывать, надеясь на этот раз увидеть Гэндальфа и сказать ему: «Наконец-то!» Но это был не Гэндальф. На пороге стоял весьма пожилой гном с белой бородой в пурпурном капюшоне. И он тоже, как и первый, едва дверь открылась, почти прыгнул внутрь, будто его приглашали.

– Я вижу, они уже начинают собираться, – сказал он, заметив на вешалке зеленый плащ Двалина. Свой красный плащ с капюшоном он повесил рядом и, положив руку на сердце, представился: – Балин. Готов служить!

– Спасибо! – сказал Бильбо, судорожно глотнув. Это было не самое правильное слово, но он сильно расстроился, услышав, что «они начинают собираться». Гостей он любил, однако предпочитал знакомиться с ними заранее и приглашать персонально. Он с ужасом подумал, что может не хватить пирожных, – и тогда он как хозяин (а долг хозяина он знал и любой ценой выполнил бы) может остаться без сладкого!

– Идемте пить чай! – только и удалось ему произнести после тяжелого вздоха.

– Если Вас не затруднит, мне больше подошло бы пиво, уважаемый, – сказал белобородый Балин. – Не откажусь и от кекса – с тмином, если найдется.

– Конечно, найдется! – услышал вдруг свои собственные слова Бильбо, а затем с удивлением обнаружил, что уже спешит в кладовую, наливает пиво в кувшин и достает пару прелестных круглых кексиков с тмином, которые утром так любовно пек для себя на «после ужина».

Когда он вернулся в столовую, Балин и Двалин уже болтали, как старые друзья (на самом деле они были братьями). Бильбо поставил перед ними пиво с кексами, и тут снова громко зазвенел звонок – два раза.

«Это уже наверное Гэндальф», – подумал Бильбо, поспешно подбегая к наружной двери. И опять это был не Гэндальф, а еще два гнома, оба в синих плащах с капюшонами, с серебряными поясами и желтыми бородами. У каждого имелся мешок с инструментами и лопата. Они попрыгали через порог в коридор, как только дверь открылась.

Странно, но Бильбо уже перестал удивляться.

– Чем обязан, дорогие гномы? – спросил он.

– Кили, – сказал один.

– И Фили! – добавил другой, после чего оба сняли плащи и дружно поклонились, хором выражая готовность служить.

– Как поживаете вы и ваша семья? – ответил Бильбо, начиная вспоминать о хороших манерах.

– Ага, Двалин и Балин уже здесь, – сказал Кили. – Пошли к толпе.

«К толпе! – подумал Торбинс. – Ох, как мне это не нравится. Надо посидеть, собраться с мыслями и чего-нибудь выпить». Он присел в уголке со стаканом и только разочек глотнул, – а

четверо гномов за столом уже болтали про шахты, золото, про драки с гоблинами и троллями, про грабежи драконов и другие дела, которых Бильбо не знал и знать не желал, потому что они пахли приключениями, – как вдруг звонок у двери опять забренчал «Динь-дилинь-динь!», будто озорной хоббитенок старался оборвать шнур.

– Еще кто-то пришел! – сказал Бильбо, моргая.

– По звуку похоже, что это те четверо, – сказал Фили. – Когда мы сюда шли, я их видел, они довольно сильно отстали.

Бедный хоббит почти повалился на лавку в прихожей и обхватил голову руками, с ужасом думая о том, что уже случилось, что еще случится и сколько их соберется к ужину.

Звонок зазвонил настойчиво, и пришлось бежать к двери. Там было не четверо, а пятеро. Пока он сидел в коридоре, подоспел еще один гном. Не успел Бильбо повернуть ручку двери, как все они оказались внутри, кланяясь и повторяя друг за другом: «Готов служить, готов служить...» Их звали Дори, Ори, Нори, Оин, Глоин. Два красных, серый, коричневый и белый плащи были повешены рядом, и вся пятерка, заткнув широкие ладони за золотые и серебряные пояса, потопала в столовую к тем, кто пришел раньше.

Получилась уже почти толпа. Один требовал пива, другой – вина, третий – кофе, все просили кексов, так что хоббит сразу оказался очень занят...

И вот уже на камине красовался большой кофейник, кексы были съедены, и гномы принялись за ячменные лепешки с маслом, когда опять раздался... не звонок, нет! Кто-то колотил по прекрасной зеленой двери! Кто-то бил по ней палкой!

Бильбо со всех ног помчался по коридору к двери, ошеломленный и рассерженный, – эта была самая нелепая среда в его жизни! Он резко рванул на себя ручку двери, и в коридор ввалились, вернее, свалились друг на друга у его ног еще четыре гнома! А за ними хохотал, опираясь на трость, Гэндальф. Этой своей тростью он сделал на красивой двери большую вмятину и, кстати, сбил с нее секретный знак, который поставил вчера утром.

– Поосторожнее! – сказал он. – На тебя это непохоже, Бильбо. Заставляешь гостей ждать за дверью, а потом распаиваешь ее, как хлопушку! Разреши представить тебе Бифура, Бофура, Бомбура, а главное, Торуна!

– Готовы служить! – сказали Бифур, Бофур и Бомбур, выстраиваясь в шеренгу.

После этого гномы повесили на крючки два желтых плаща, и один бледно-зеленый, и еще один небесно-голубой с длинным серебряным кушаком. Последний плащ принадлежал Торуна, очень важному гному. Он был не кто иной, как сам Торин Дубошит, и ему очень не понравилось, что он свалился на коврик у двери, а на него повалились Бифур, Бофур и Бомбур. Бомбур был вдобавок толст и тяжел. От обиды и гордости Торин даже не произнес традиционного гномьего приветствия про готовность служить, но бедняга Бильбо так извинялся и столько раз повторил, что ему «очень жаль», что Торин, в конце концов, процедил «Ничего-ничего» и хмуриться перестал.

– Ну вот, мы все собрались! – сказал Гэндальф, оглядев вешалку, на которой висели 13 плащей с капюшонами (лучших праздничных плащей) и его шляпа. – Веселая компания! Надеюсь, опоздавшим оставили поесть и выпить. Это что – чай? Нет, спасибо! Мне красного вина.

– И мне тоже, пожалуйста, – сказал Торин.

– Малиновое варенье и пирог с яблоками, – сказал Бифур.

– Рубленую запеканку с сыром, – сказал Бофур.

– Мясной пирог и салат, – сказал Бомбур.

– Еще печенья! Пива! Кофе! – кричали остальные гномы из-за двери.

– Сделай яичницу побольше, вот умница, – крикнул Гэндальф вслед Бильбо, который уже бежал в кладовые. – Да захвати холодную курятину и маринады!

«Похоже, он лучше меня знает, что лежит у меня в кладовых», – подумал господин Торбинс, у которого уже голова кругом пошла и который начинал думать, что вот это и есть самое огорчительное Приключение, причем явившееся к нему в дом. Он таскал гостям бутылки и тарелки, и ложки, и вилки, и ножи, и стаканы, и блюда, и продукты на больших подносах, раскраснелся, разозлился и ему стало очень жарко.

– Будь прокляты эти гномы, разрази их гром! – произнес он в коридоре вслух. – Почему они мне не помогают?

Р-раз! В коридоре у дверей кухни возникли Балин и Двалин, а за ними Фили и Кили, и прежде чем Бильбо открыл рот, они уже схватили подносы и даже пару маленьких столиков и мигом все поставили в столовой.

* * *

Вечеринка шла своим ходом. Гэндальф сидел во главе стола, тринадцать гномов разместились вокруг. Бильбо на табурете у камина грыз коржик; у него аппетит совсем пропал, но он старался делать вид, что все в порядке и что он не считает происходящее Приключением. Гномы ели, ели, пили, пили, говорили, время шло, еды на столе было много... Наконец, они отвалились от тарелок, отодвинули стулья от стола, и Бильбо попытался собрать посуду. Он даже произнес самым вежливым тоном:

– Надеюсь, вам у меня понравилось. Не останетесь ли к ужину? – втайне ожидая, что они теперь уйдут, но Торин за всех ответил:

– Конечно! И после ужина останемся. Нам потребуется, много времени на все дела. – А потом он закричал: – Давайте музыку и уберите со стола!

При этих словах все гномы вскочили на ноги, кроме Торины: он был слишком важной фигурой, чтобы принимать участие в таких делах, поэтому остался беседовать с Гэндальфом. Гномы быстро сложили тарелки, блюда и стаканы в высокие башни и помчались с ними на кухню, не ожидая, пока появятся подносы.

Представьте себе двенадцать гномов, у каждого на одной руке башня тарелок, бутылка сверху, все снуют из столовой на кухню, посудные башни качаются, вот-вот все разобьется, а между ними суетится несчастный хоббит, взвизгивая от страха за свое добро и бормоча:

– Пожалуйста, будьте осторожнее! Не беспокойтесь! Я бы сам справился!..

В ответ гномы только дружно пели:

Бейте рюмки и тарелки,

Гните вилки и ножи! –

Торбинс ужас как не любит

Битую посуду!

Рвите скатерти на тряпки,

Крем на креслах пусть лежит,

Будут лужи из сметаны

И объедков груды!

От бутылок пробки жгите,

Бросьте кости на ковер,

Если блюда разобьются –

Будет не о чем тужить.

Что не бьется, покатайте

Через кухню в коридор –

Без посуды даже Бильбо Торбинсу

Легче жить!

Осторожней! Бер-пр-регись!

Конечно, ничего такого ужасного они не сделали, а все перемыли и убрали с необыкновенной быстротой, Бильбо только вертелся на кухне, едва успевая замечать, куда они все ставят и складывают. Потом все вернулись в столовую, где, положив ноги на каминную решетку, сидел с трубкой Торин и играл с Гэндальфом в интересную игру: Торин выпускал огромные кольца дыма и говорил им, куда плыть, – в каминную трубу, вокруг часов на камине, под стол, под потолок, вдоль стен... – но все равно им не удавалось обогнать маленькие колечки Гэндальфа. Хлоп! – эти маленькие сизые колечки из короткой глиняной трубки протыкали большие кольца Торина, сразу зеленели и возвращались к хозяину. У Гэндальфа над головой уже клубилось зеленоватое облако, и маг в нем имел совсем колдовской и странный вид. Бильбо, который сам любил пускать колечки, замер от восторга и внутренне покраснел, вспомнив как гордился своими вчерашними упражнениями на лавочке во дворе.

– Где же музыка? – произнес Торин. – Несите инструменты!

Кили и Фили побежали к своим мешкам и достали скрипочки; Дори, Нори и Ори вытащили откуда-то из-под курток флейты; Бомбур принес из прихожей барабан; Бифур и Бофур тоже пошли в коридор и принесли кларнеты, которые раньше поставили в угол с тростями;

Двалин и Балин сказали:

– Извините, мы оставили инструменты на пороге!

Торин добавид:

– Принесите и мою тоже!

И они вышли и быстро вернулись с двумя большими виолами размером с них самих и с арфой Торина в зеленом чехле. Это была красивая золотая арфа, и стоило Торину коснуться ее, как зазвучала дивная музыка, такая странная и нежная, что Бильбо сразу забыл обо всем на свете и оказался в своем воображении далеко за Рекой, в туманных краях под незнакомыми лунами, оттуда даже не было видно хоббичью нору в Круче.

Сквозь окошко, выходившее на склон Кручи, в комнату постепенно вползала темнота; огонь в камине вспыхивал и гас – был апрель, – а они продолжали играть, и тень от бороды Гэндальфа моталась по стене... Потом один из них неожиданно запел, остальные подхватили песню, гортанную песню гномов, которая поется в глубоких пещерах их древних домов, – вот отрывок из этой песни, если вы сможете представить ее без музыки:

*За Мглистые Горы пора нам идти
В Поход за сокровищем прошлых столетий!
Уйдем на рассвете, пусть бесится ветер,
Нам древнее золото надо найти.
Под молотов звоны в забытые дни
Там гномы трудились в таинственных норах.
В дела своих рук колдовские узоры
И тайные чары вплетали они.
Эльфийских владык и людских королей
Они снаряжали на грозные войны,
В доспехах своих сочетая достойно
Закалку металла с богатством камней.
Из звездных лучей ожерелья плели,
Как гребни дракона, сверкали короны.
Свет солнца, с сиянием лунным сплетенный,
В кольчугах серебряных взор веселил.
За гномьим сокровищем надо идти,*

*В Поход за холодные Мглистые Горы,
Где в тайных пещерах и сумрачных норах
Забывшее золото тускло блестит.
Чеканные кубки под пылью веков
Вином не искрятся во мраке безлунном,
И арфы золотых замолчавшие струны
Давно не слышали ничьих голосов.
Раз вихрь налетел из-за Северных Гор.
И вспыхнули сосны большими кострами.
Багровое пламя, питаясь стволами,
Ревело и выло, объяв Эребор.
От ужаса люди сходили с ума
В долине под гром колокольного звона.
В безжалостном пламени злого дракона
Погибли они и сгорели дома.
Гора задымилась под бледной луной,
Изведали гномы проклятие рока,
И бросив пещеры, бежали далеко,
Оставив убитых под страшной Горой.
За Мглистые Горы далеко уйдем,
За гномьим сокровищем прошлых столетий.
Уйдем на рассвете, пусть бесится ветер,
Но мы свои арфы и клады вернем!..*

Они пели, а хоббит вдруг почувствовал, как его пронизывает любовь к красивым вещам, изготовленным при помощи ловких рук, мудрости и волшебства, и понял страсть и ревность, живущую в сердцах гномов. В нем проснулось что-то Туковское, ему захотелось пойти посмотреть на великие горы, услышать шум сосен и гром водопадов, исследовать глубинные пещеры и вообще взять меч вместо тросточки. Он выглянул в окно. Над деревьями на черном небе сверкали звезды. Он подумал, что, наверное, так же сверкают гномьи сокровища в темных пещерах. Вдруг над лесом за Рекой в небо взвился язык пламени – там, наверное, жгли костер, – и хоббит представил, как грабители-драконы прилетают на его родную Кручу и сжигают все, что на ней есть...

* * *

Небо потемнело, на звезды наплыло облако. Хоббит вздрогнул, встряхнулся и снова стал обыкновенным простоватым Бильбо Торбинсом из Торбы-на-Круче.

Дрожа, Бильбо поднялся со скамеечки. Ему не очень хотелось идти за свечами или лампой, зато очень хотелось пойти в чулан, спрятаться там между бочками с пивом и не выходить, пока все гномы не уйдут.

Но тут музыка и пение смолкли, и хоббит скорее почувствовал, чем увидел, как они все смотрят на него из темноты поблескивающими глазами.

– Ты куда? – произнес Торин тоном, показывающим, что он, кажется, догадался о намерениях Бильбо.

– Может быть, сделаем немного светлее? – словно извиняясь, сказал хоббит.

– Мы любим мрак, – ответили гномы. – Темнота нужна для темных дел. До рассвета еще много часов.

– Конечно! – сказал Бильбо и опять сел. От волнения он сел мимо табурета, прямо на каминную решетку, с грохотом уронив совок и щипцы.

– Тише! – сказал Тэндальф. – Пусть говорит Торин!

И Торин начал:

– Обращаюсь к вам, Гэндальф, гномы и господин Торбинс! Мы собрались в доме нашего друга и товарища по конспирации, самого замечательного и предприимчивого хоббита – пусть у него никогда не облысеют коленки! Да здравствуют его вино и пиво!

Он придержал дыхание и сделал паузу, в надежде на вежливую реплику со стороны Бильбо в ответ на свой комплимент, но бедняга Бильбо только растерянно и протестующе шевелил губами, ему совсем не нравилось, что его обозвали «предприимчивым» и «товарищем по конспирации», поэтому Торин продолжил:

– Наступил торжественный момент. Мы собрались, чтобы обсудить наши планы, пути, способы, методы и тактику на время длительного путешествия, в которое мы отправимся на рассвете и из которого многие (а может быть, и все, кроме нашего большого друга и советчика мудрого мага Гэндальфа) могут не вернуться. Цель нашего путешествия вам всем должна быть хорошо известна; вероятно, только для уважаемого господина Торбинса и для одного-двух младших гномов – верно, я не ошибусь, назвав Кили и Фили, – точная обстановка на сегодняшний день потребует некоторых объяснений...

Это была обычная манера Ториана выражаться. Он был очень важным гномом и любил витиевато говорить. Если бы его не перебивали, он бы продолжал в том же духе до утра, не сказав ничего такого, что бы не было уже известно всем. Но его грубо прервали. Несчастный Бильбо не вытерпел. На словах «могут не вернуться» он почувствовал, как у него внутри нарастает отчаянный визг, подступает к горлу и без всякого управления вырывается наружу. Словно громкий свисток паровоза из туннеля.

Гномы так резко повскакивали с мест, что даже стол перевернули. Гэндальф выбил синий огонь концом своей волшебной трости (она же была жезлом), и в его свете все увидели, как бедный хоббит на коленках стоит на коврике у камина и весь трясется, как тающее желе. Через мгновение он упал и стал выкрикивать:

– Молния! Ударил молния!.. – много раз подряд.

Гномы его подняли, положили на диванчик в коридоре, поставили рядом с ним питье и вернулись в комнату обсуждать свое темное дело.

* * *

– Экспансивный невысоклик, – заметил, садясь, Гэндальф. – У него бывают странные приступы, но он – один из лучших, один из лучших, а в ярости это просто укушенный дракон.

Если вам приходилось видеть укушенного дракона, то вы поймете, что замечание волшебника было очень поэтической гиперболой в применении к любому хоббиту, даже двоюродному прапрадедушке Старого Тука, которого звали Бычеглас и который был так велик ростом, что мог взобраться верхом на лошадь. Он когда-то вызвал на бой войско гоблинов из горы Грэм. В сражении на зеленых Полях он деревянной дубиной сшиб голову предводителя гоблинов Гольфимбула, и эта голова пролетела по воздуху сотню ярдов и попала в кроличью нору, таким образом была одновременно выиграна битва и изобретена игра в гольф. А изнеженный потомок Бычегласа сейчас с трудом отходил от потрясения на диванчике в прихожей. Он немного полежал, немного выпил, потом все-таки встал и подкрался к двери гостиной.

И вот что он услышал (говорил Глоин):

– Гм-гм! Вы думаете, он справится? Гэндальфу легко говорить о ярости хоббита, но если он, приходя в ярость, вот так завопит хоть один-единственный раз, то разбудит дракона со всеми его родственниками, и они нас поубивают. По-моему, это было больше похоже на испуг,

чем на ярость. Вообще, если бы не тайный знак на двери, я бы подумал, что мы по ошибке попали не в тот дом. Я засомневался сразу, как только увидел, как он пускает пузыри на коврике возле двери. Он скорее смахивает на зеленщика, чем на взломщика...

И тут господин Торбинс повернул ручку двери и вошел в гостиную. В нем вдруг пробудился Тук. Он понял, что спать не ляжет и завтракать не станет, пока не убедит всех, что может быть очень яростным, и почувствовал, что уже пришел в ярость от «пускает пузыри на коврике».

Много раз потом торбинсовское начало в нем сожалело об этом поступке, и он говорил себе: «Бильбо, ты свалил дурака – сам полез в западню». Но сейчас он храбро выпалил:

– Извините меня за то, что я сейчас случайно услышал. Я понятия не имею, о чем вы говорите и при чем тут взломщики, но, думаю, не ошибся в том, что вы считаете меня ни на что не способным (это его уязвило больше всего). Я вам докажу. Нет у меня на двери никаких знаков – я ее красил неделю назад, и совершенно уверен, что вы ошиблись адресом. Я заподозрил это, как только увидел ваши чудные физиономии у себя на пороге. Но можете считать этот дом правильным домом. Скажите, что вы от меня хотите, и я попробую все сделать, даже если для этого придется идти пешком на самый Дальний Восток и драться со свирепыми змеями-оборотнями в Последней Пустыне. У меня когда-то был двоюродный прапрадедущка Бычеглас Тук, так вот он...

– Ну да был, но очень давно, – сказал Глоин. – Я же говорил о тебе. И, уверяю тебя, на этой двери был знак – обычный, как полагается в деле. Такой знак обозначает: «Взломщик ищет хорошую работу и захватывающих приключений за приличное вознаграждение». Вместо «Взломщик» можно прочесть «Опытный охотник за сокровищами», это как ты захочешь. Некоторым так больше нравится, а нам все равно. Гэндальф сказал, что в этих краях живет такой искатель приключений, который жаждет немедленно взяться за дело, и устроил нам сегодняшнюю встречу, в среду за чаем.

– Был у тебя знак на двери, – сказал Гэндальф. – Я сам его поставил по веским причинам. Меня попросили найти четырнадцатого участника экспедиции, и я выбрал господина Торбинса. А если кто-нибудь скажет, что мой выбор неправильный, идите втринадцатером, попадите в неприятности, расхлебывайте неудачи или возвращайтесь уголь копать!

Он так сердито накричал на Глоина, что гном сел на свое место; а когда Бильбо попытался открыть рот для вопроса, он повернулся и уставился на него, так свирепо нахмурив брови, что хоббит закрыл рот покрепче.

– Вот и правильно, – сказал Гэндальф. – И не будем больше спорить. Господина Торбинса выбрал я – этого достаточно. Если я говорю, что он взломщик, значит, он взломщик или будет таковым, когда придет время. Что-то в нем есть, о чем вы пока не догадываетесь, и в гораздо большей степени, чем он сам думает. Может быть, вы все останетесь живы и мне за это спасибо скажете. А теперь Бильбо, малыш, принеси лампу и посвети мне вот на это.

* * *

В свете большой лампы с красным абажуром он расправил на столе пергамент.

– Это нарисовал Трор, твой дед, дорогой Торин, – сказал Гэндальф в ответ на вопросительные взгляды гномов. – Здесь план Горы.

– По-моему, он нам не очень поможет, – разочарованно протянул Торин, кинув взгляд на план. – Я ведь хорошо помню и Гору и все вокруг нее. Знаю, где находится Лихолесье и Высохшая Долина, где жили огромные драконы.

– Место, где живет дракон, помечено на карте, – сказал Балин. – Вон на Горе нарисован красный дракон. Но его мы и без этого легко обнаружим, если только туда доберемся.

– Есть один пункт, который вы не заметили, – сказал маг. – В Гору можно войти, видите руну на Западной стороне? Вот тут еще руны, и рука показывает, где тайный вход в нижние пещеры.

– Может, он и был когда-то тайным, – произнес Торин, – но откуда ты знаешь, что тайна до сих пор не раскрыта? Старый Смог там так долго живет, что наверное уже все разнюхал.

– Может быть, и так. Но он многие годы не пользовался этим ходом.

– Почему?

– Потому что он в него не пролезет. «Дверь Горы пять локтей высотой и в нее входят трое в ряд», – говорят руны. Смог в такое отверстие влезть не мог даже в молодости, и особенно когда объелся людьми и гномами после сражения.

– По-моему, это большущая нора, – пискнул Бильбо (весь опыт которого сводился к хоббичьим норам, а о драконах он понятия не имел). Он увлекся и заинтересовался происходящим и забыл, что решил держать язык за зубами. Карты он обожал; у него в прихожей висела большая карта Прогулок По Окрестностям, где все его любимые тропки были наведены красными чернилами. – Как же такую большую дверь удалось сохранить в тайне от окружающих, не говоря уж о драконе? – спросил он.

Не стоит забывать, что сам-то он был всего лишь маленьким хоббитом.

– Есть много способов сделать явное тайным, – ответил Гэндальф. – Как это удалось здесь, мы не знаем, пока сами не придем туда и не посмотрим. Судя по карте, дверь должна быть замаскирована под склон Горы, это у гномов самый распространенный способ, правда?

– Именно так, – сказал Торин.

– А еще, – продолжал Гэндальф, – вместе с картой передается ключ, маленький и странный. Вот он! – и маг протянул Торину серебряный ключ с длинным стержнем и хитроумно выточенной бородкой. – Храни его надежно!

– Разумеется, – сказал Торин, взял ключ и повесил на красивую цепочку, которую носил на шее под курткой. – Теперь у нас появляется надежда. Этот ключ меняет дело. До сих пор нам многое было неясно. Мы собирались идти на восток как можно тише и незаметнее до Долгого Озера. Потом начнутся неприятности...

– Они начнутся намного раньше, если я что-нибудь смыслю в восточных дорогах, – перебил его Гэндальф.

– Оттуда мы можем подняться вверх вдоль реки Руны, – будто не замечая слов Гэндальфа, продолжал Торин, – дойти до развалин Дейла – старинного города в Долине, под Горой. Но никому из нас не хотелось бы пользоваться Главными Воротами в Гору. Река вытекает из-под большого утеса с южной стороны и именно оттуда обычно выползает дракон. Причем довольно часто, если он не менял своих привычек.

– Вам будет плохо без сильного воина, без героя, – сказал маг. – Я пытался найти хоть одного; но воины нынче заняты сражениями друг с другом в дальних странах, а здесь по соседству героев не видать, так они стали редки, если вообще есть. Мечи давно затупились, боевыми топорами рубят деревья, а щиты служат люльками и крышками для кастрюль. Драконы прекрасно устроились далеко-далеко (и поэтому они сказочные). Вот я и вспомнил про Боквой Ход и решил предложить вам Взломщика. Невысоклик Бильбо Торбинс, прошу любить и жаловать, – он и есть Взломщик, выбранный и избранный. Теперь можно строить планы.

– Ну ладно, согласен, – сказал Торин. – А не будет ли знаменитый Взломщик столь любезен, что предложит свой план? – с легкой издевкой обратился он к Бильбо.

– Сначала я хотел бы узнать подробнее, в чем дело, – сказал Бильбо. У него внутри все дрожало, но характер Тука уже проснулся и отступать он не желал. – Расскажите мне про золото и про дракона и все такое, как оно туда попало, кому принадлежит и так далее.

– Клянусь бородой! – сказал Торин. – Ты же видел карту и слышал нашу песню! Мы только об этом и говорим уже много часов!

– Все равно, расскажите, пожалуйста, так, чтобы было ясно и понятно, – упрямо возразил хоббит с деловым видом (который он напускал на себя всякий раз, когда у него просили денег взаймы), изо всех сил стараясь казаться благоразумным и расчетливым, чтобы оправдать полученную от Гэндальфа рекомендацию специалиста. – И еще я хотел бы узнать сроки, и насколько это опасно, и сколько отпускается на непредвиденные расходы и сумму вознаграждения и прочее.

Он имел в виду: «Какой толк от всего этого мне? И вернусь ли я живым?»

* * *

– Прекрасно, – начал Торин. – Давным-давно, при жизни моего деда Трора, нашей семье пришлось уйти с Далекого Севера, и мои родичи со всем имуществом осели в Горе, которую ты видишь на карте. Гору нашел мой далекий предок, Старый Фрайн Первый, а потом они все прокладывали в ней ходы и туннели, вырубали залы и мастерские и, я думаю, нашли там много золота и, наверное, драгоценностей тоже. Во всяком случае, род сделался богатым и могущественным. Мой дед стал королем Горы, и люди, смертные жители земель к югу от нас, его очень уважали и даже построили под горой веселый город Дейл. Короли Дейла часто обращались к нашим кузнецам и ювелирам и, надо сказать, очень щедро расплачивались за работу. Отцы отдавали нам на выучку сыновей и тоже хорошо платили, чаще всего натурой, продовольствием, ведь мы сами ничего не выращивали и скот не разводили. Для нашего рода наступили хорошие времена, у всех были деньги, и в свободное время гномы работали для удовольствия, изготавливая изумительно красивые вещи и волшебные игрушки, каких сейчас нигде не найдешь. Парадные залы моего отца Фрайна были обвешаны необыкновенным оружием, украшены драгоценностями, резьбой и чеканкой, а игрушечный рынок Дейла был чудом Северного Мира.

Именно слухи о нашем богатстве привели к нам дракона. Ты ведь знаешь, что драконы воруют или отбивают сокровища у людей, эльфов и гномов и стерегут свою добычу всю жизнь (т. е. практически бесконечно, если их не убивают), но никогда ничем из награбленного не пользуются. Вряд ли они могут отличить плохую работу от хорошей, хотя обычно имеют понятие о рыночной цене на изделия. Они ничего не умеют делать сами, даже сломанное кольчужное колечко не починят. В те времена, о которых я говорю, на Севере было полно драконов, а золото, наверное, кончалось, потому что гномы уходили к Югу или их убивали, и наступило время великих разрушений и великой нищеты.

В то время там жил особенно жадный, сильный и коварный змей по имени Смог. Однажды он полетел на Юг. Сначала мы слышали нарастающий шум его крыльев, от которого затрещали сосны, росшие на Горе. Некоторым из гномов, например, мне, в тот день повезло: мы отправились гулять и отошли от Горы довольно далеко. Я тогда был молодым, любил побродить, и это спасло мне жизнь. Издали мы увидели, как в дыму и пламени на нашу Гору опустился дракон, как он пополз вниз и от его дыхания разом вспыхнул лес. В Городе под горой зазвонили все колокола, воины вооружались. Испуганные гномы кинулись к Главным Воротам, но тут-то их и поджидал Смог: никто не спасся. Река от жара испарилась, стусился такой туман, что почти ничего не стало видно, и в этом тумане дракон набросился на город и уничтожил почти все войско – такое часто случалось в те трудные времена. Потом он отполз к Горе и влез в наши пещеры через Главные Ворота. Он ободрал все стены в помещениях, уничтожил всех оставшихся гномов, ограбил склады, переломал все в туннелях, залах и жилых комнатах. Он забрал себе все, что нашел. Вероятно, как это обычно бывает у драконов, он свалил награбленное в кучу где-нибудь в глубине Горы и спит на этой куче до сих пор. Сначала он время от времени выползал из Пещер, чаще всего ночью, пробирался в город и уносил людей к себе на обед. Больше всего ему нравились молодые девушки. Так длилось несколько лет, пока

Дейл не был полностью razoren, а люди из него ушли навсегда. Что там делается сейчас, я не знаю, но не думаю, чтобы кто-нибудь отважился поселиться возле Горы. Ближайшие обитаемые жилища должны находиться на Дальнем конце Долгого Озера.

Те немногие из нас, которые в тот день оказались на свободе и остались живы, плакали и проклинали Смога и не знали, что делать дальше. Мы сидели на Дальнем склоне Горы в естественном укрытии – и вдруг к нам подошли мой отец и дед с опаленными бородами. Они почти ничего не рассказывали. Когда я спросил, как они выбрались, они приказали мне придержать язык и сказали, что когда-нибудь я все узнаю. Потом мы ушли оттуда и перебивались чем могли, порой работали простыми кузнецами и даже углекопами. Но мы не забыли об отнятом у нас сокровище. Даже теперь, когда мы уже не так бедны и кое-что у нас отложено на черный день, – тут Торин любовно погладил золотую цепь на шее, – мы хотим вернуть свое достоинство и отомстить Смогу, конечно, если нам это удастся.

Я не раз задумывался над тем, как удалось бежать из Горы отцу и деду. Теперь ясно, что они воспользовались запасным ходом, о котором больше никто не знал. Карту, конечно, составили они, но хотел бы я знать, как ее захватил Гэндальф, и почему она не досталась законному наследнику, то есть мне?

– Я ее не захватил, мне ее дали, – ответил маг. – Твоего деда Трора, как ты помнишь, убил в Морийских Копях Большой Гоблин Азог...

– Да, будь он проклят! – сказал Торин.

– А в прошлый четверг, 21-го апреля, минуло ровно сто лет с тех пор, как ушел твой отец, и ты его больше не видел...

– Это правда, – сказал Торин.

– Твой отец дал мне карту, чтобы я передал ее тебе; но, если принять во внимание, каких трудов мне стоило тебя найти, меня нечего винить. Когда смог, тогда и отдаю. Твой отец даже не сказал мне, как тебя зовут, ибо забыл собственное имя. По-моему, я достоин благодарности и похвалы. Бери! – и он протянул Торину карту.

– Не понимаю, – сказал Торин, и Бильбо чуть было не произнес вслух то же самое. Объяснение мага ему ничего не объяснило.

– Перед тем как отправиться в Морийские Копи, – снова заговорил маг, медленно и мрачно, – твой дед отдал карту на хранение сыну. Когда его там убили, твой отец взял эту карту и отправился сам попытать счастья. Он пережил великие злоключения, но до Горы не дошел. Я видел его пленником в подземельях злого чародея Саурона. Как он там оказался, неизвестно.

– А ты почему там оказался? – вздрогнув, спросил Торин, и все гномы тоже содрогнулись.

– Тебя это не касается. Кое-что выяснял, как обычно. Это было неприятно и опасно. Даже я, Гэндальф, чуть не погиб. Спасти твоего отца мне не удалось: я пришел слишком поздно. Он потерял рассудок, ничего не понимал и ни о чем не помнил, кроме карты и ключа.

– Орки из Мории давно получили по заслугам, – сказал Торин. – Надо подумать, как рассчитаться с Сауроном.

– Бред! Такой враг тебе не под силу, даже если ты соберешь всех гномов с четырех сторон света. Единственное, что завещал тебе отец, – прочесть карту и применить ключ. Но если не применить при этом еще хитрость, то дракон и Гора окажутся для вас, пожалуй, слишком велики, – мрачно произнес маг.

– Слушайте, вы! – сказал вдруг Бильбо довольно громко.

– Слушайте что? – спросили все, поворачиваясь к нему.

– Слушайте, что я скажу, – ответил Бильбо, слегка смущенно, но уверенно. – Вам надо идти на восток, а там все исследовать. В конце концов, есть же потайная дверь, а драконы должны иногда спать. Если вы долго посидите на пороге, то, наверное, что-нибудь придумаете. И знаете, что я вам еще скажу? Мы так долго болтали, уже ночь. Надо идти спать, ведь вам утром рано вставать. Я еще хочу накормить вас хорошим завтраком перед тем, как вы уйдете.

– Перед тем, как мы уйдем, – поправил его Торин. – Разве ты не Взломщик? И разве не твое дело – сидеть на пороге, а потом пробираться внутрь? Но насчет сна и завтрака я согласен. Перед долгой дорогой я предпочту яичницу из шести яиц с ветчиной, причем не пережаренную и чтоб желтки были целы.

Все стали заказывать хоббиту завтрак и никто даже не сказал «пожалуйста» (что очень разозлило Бильбо), а потом дружно отправились спать.

* * *

Бильбо изрядно повозился, приспособливая свободные комнаты и чуланы под спальни и расстилая постели на скамейках, диванах и даже табуретках. Потом он пошел спать сам, страшно усталый и без всякой радости. Единственное, о чем он подумал – он вовсе не собирается рано вставать и готовить для всех завтраков.

Пока он ворочался перед тем как заснуть, туковская половина его характера постепенно слабела и, засыпая, он уже не был уверен, что отправится куда бы то ни было, когда наступит утро.

Лежа в кровати, Бильбо еще слышал, как в соседней с ним парадной спальне не то поет, не то бормочет Торин:

*...Далёко за Мглистые Горы пойдем
В Поход за сокровищем прошлых столетий.
Уйдем на рассвете, пусть бесится ветер,
Забывтое золото наше найдем!..*

Сны под эту песню получились скверные и странные. Рассвет он проспал.

Глава вторая. Баранье жаркое

Когда Бильбо проснулся, стоял уже ясный день. Он вскочил, натянул халат и прошел в столовую. Там никого не было, но дикий беспорядок и горы грязной посуды на столе свидетельствовали, что здесь поспешно завтракало много народу. В кухне тоже было полно неумытых горшков, заляпанных сковородок, грязных кастрюль, – будто всю посуду, имевшуюся в доме, использовали для завтрака. Бильбо с ужасом подумал о предстоящей немедленной мойке и уборке и понял, что вечеринка ему не приснилась. А он-то еще надеялся, что это все – дурной сон!

Единственным утешением казалось то, что гости ушли без него и дали ему выспаться («А все-таки даже спасибо не сказали!...»), но... почему-то он был этим слегка разочарован, почти обижен. Чувство было новое, в конце концов он сказал сам себе: «Не будь дурнем, Бильбо Торбинс! И нашел о чем думать: драконы и прочая чепуха в твоём солидном возрасте». После этого он храбро облачился в передник, пошел на кухню, зажег огонь в печи и вскипятил воду. Затем сумел все убрать так быстро, что позавтракал почти вовремя. Солнце уже поднялось высоко, наружную дверь он открыл, и через нее в дом залетел приятный теплый ветерок. Бильбо даже начал что-то насвистывать, подметая последние пылинки в коридоре, и подумывать о втором завтраке у открытого окна, как вдруг вошел Гэндальф.

– Милый мой, ты вообще идти собираешься? – спросил он без приветствия. – Ты же сам предлагал выйти пораньше, а намерен завтракать, ведь уже половина одиннадцатого! Тебе оставили записку, потому что некогда было ждать, пока ты проснешься.

– Какую записку? – засуетился Бильбо.

– Гномы и молнии! Ты сегодня не в себе! – вскричал Гэндальф. – Ты не вытер пыль на камине.

– Какое это имеет отношение?.. Я и так мыл посуду за четырнадцать едоков!

– Если бы ты вытирал пыль на камине, ты бы нашел там под часами вот это, – сказал Гэндальф, протягивая Бильбо записку (разумеется, написанную на его же собственной бумаге).

Вот что он прочитал:

«От Торина и Компании Взломицу Бильбо – привет!

Приносим искреннюю благодарность за гостеприимство и предложение профессиональной помощи. Наши условия: вознаграждение после получения добычи в размере не более 1/14 от общей прибыли (если будет таковая); все дорожные расходы возмещаются в любом случае; похоронные расходы за счет Компаньонов или наших представителей, если в этом возникнет необходимость и не будет предпринято ничего другого.

Считая нерациональным нарушать Ваши заслуженный отдых, мы выходим раньше, чтобы сделать некоторые приготовления, и будем ждать Вашу уважаемую личность в трактире „Зеленый Дракон“ на Канале точно в 11 часов. Надеемся, что Вы окажетесь пунктуальным.

*С глубочайшим уважением, готовы служить –
Торин и К°».*

– У тебя осталось ровно десять минут. Придется бежать бегом, – сказал Гэндальф.

– Но... – начал Бильбо.

– На это уже нет времени, – ответил маг.

– Но... – опять произнес Бильбо.

– И на это времени тоже нет. Марш!

* * *

До конца дней Бильбо не мог вспомнить, каким образом он оказался на дороге без шляпы, без трости, без денег, без всего того, что он привык брать с собой даже на обычную прогулку; второй завтрак остался несъеденным, ключи он почему-то сунул Гэндальфу, а сам побежал, быстро-быстро перебирая мохнатыми ножками, по дорожке с Кручи, мимо большой мельницы, по мосту через Реку и еще больше мили до Канала. Прибежав к «Зеленому Дракону» как раз в тот момент, когда часы били одиннадцать, жутко запыхавшись, он обнаружил, что забыл даже носовой платок!

– Браво! – сказал Балин, стоявший у дверей трактира в ожидании.

И тут из-за угла показались все остальные. Они сидели верхом на пони, у каждого были сумки, мешки, мешочки, пакеты и пакетики самых разнообразных размеров. Для Бильбо вели маленького пони, для Балина пони покрупнее.

– Садитесь верхом и поехали! – сказал Торин.

– Простите, – сказал Бильбо, – но я же без шляпы, я забыл дома носовой платок и у меня с собой совсем нет денег. Я нашел вашу записку только без четверти одиннадцать, если быть точным.

– Не надо быть точным, – сказал Двалин, – и не волнуйся. Придется обойтись без носового платка и, кстати, без многих других вещей. Теперь так будет до конца путешествия. А что касается шляпы, то у меня в багаже есть лишний плащик с капюшоном.

Вот так они и поехали, ясным утром в конце апреля, трясясь на навьюченных пони, причем Бильбо выглядел очень комично в темно-зеленом плаще с капюшоном (несколько выцветшем), который он взял напрокат у Двалина. Плащ был ему велик, и он вдруг подумал, что бы сказал его папа, если бы увидел это, и немного утешился от того, что на гнома он все равно не похож, поскольку у него нет бороды.

Они отъехали не так уж далеко, когда их догнал Гэндальф на белой лошади. Он был совершенно неотразим и вдобавок привез кучу носовых платков и трубку Бильбо с табаком. Путешественникам сразу стало весело, и весь день они ехали с песнями и шутками, останавливаясь только для того, чтобы поесть. Они не так часто останавливались, как хотелось бы Бильбо, но пока Приключение казалось ему вовсе не страшным.

* * *

Сначала они ехали по Хоббитширу, очень благоустроенному краю, где жил приличный народ, были хорошие дороги, попадались гостиницы и изредка – деловые прохожие.

Потом они попали в такие места, где народ говорил на незнакомом языке и пелись песни, которых Бильбо никогда раньше не слышал.

Потом они приехали в Пустошь, где не было ни народа, ни гостиниц, а дороги становились все хуже и хуже.

Потом впереди поднялись унылые холмы, на которых росли темные деревья. На отдельных холмах высились старые замки, имевшие зловещий вид, как будто их строили разбойники. Все вокруг становилось мрачнее, даже погода испортилась. До сих пор погода была майская, а сейчас стало сыро и холодно. В Пустоши они тоже останавливались, где попало, но там, по крайней мере, было сухо.

* * *

– Даже не верится, что скоро июнь, – ворчал Бильбо, в то время как его пони уныло шлепал по лужам за остальными или с трудом вытаскивал копыта из грязи. Дело шло к вечеру.

Дождь лил как из ведра с самого утра. Плащ хоббита напился водой, с капюшона капало в глаза. Пони устал и начал спотыкаться. Гномы сердито молчали. «Готов поклясться, – думал Бильбо, – что дождь залил мешки с едой и запасная одежда промокла. Будь прокляты все кражи со взломом и все, что с ними связано! Вот если бы вдруг оказаться дома в уютной норке у очага и чтобы начинал петь чайник!»

Увы, он мечтал об этом не в последний раз! А гномы все трусили вперед, никто из них даже не оборачивался, словно о хоббите забыли.

Наверное, где-то за серыми тучами село солнце, потому что начало темнеть. Поднялся ветер. Ивы, росшие на берегу речки, качались и вздыхали. Я не знаю, что это была за речка. Бурая и вздувшаяся от последних дождей, она шумно скатывалась с торчавших впереди гор и холмов.

Скоро почти совсем стемнело. Ветер прорвал серые тучи, из их лохмотьев выглянула убывающая луна и поплыла над холмами. Путники остановились, и Торин пробормотал что-то об ужине и о том, где найти сухое место для ночлега.

Только теперь они заметили, что Гэндальфа с ними нет. До сих пор он все время ехал рядом, не объясняя, собирается ли участвовать в Приключении или ему с ними всего лишь по пути. Он больше всех ел, смеялся и болтал. А теперь его просто не стало!

– Как раз когда очень пригодился бы маг! – бурчали Дори и Нори, согласные с хоббитом в том, что есть надо регулярно, часто и много.

Немного поспорив, путешественники решили, что останутся на ночь там, где были. До сих пор не разбивали лагерь в пути, и хотя знали, что скоро это придется делать постоянно, ибо они окажутся во Мглистых Горах далеко от мест, где обитают приличные жители, сегодняшний вечер казался не самым подходящим и слишком мокрым для начала. Они нашли группу деревьев, где было посуше, но ветер стряхивал капли дождя с листьев и беспрестанное «кап-кап» очень раздражало. Вдобавок огонь заикался. Гномы обычно умеют добыть огонь в любых условиях и разжечь костер из чего угодно, независимо от того, помогает им ветер или мешает. Но в тот вечер ничего сделать не смогли даже мастера по кострам Оин и Глоин.

Потом один из пони чего-то испугался и ускакал. Его поймали не сразу, он успел забежать в реку и, прежде чем лошадку оттуда вывели, Фили и Кили чуть не утонули, а поклажа свалилась в воду, и ее унесло. Конечно, там была провизия, и теперь у путников почти ничего не осталось на ужин и еще меньше на завтрак.

И вот они все сидели мокрые и сердитые, Оин с Глоином еще безуспешно пытались разжечь огонь и перебранивались, Бильбо уныло думал о том, что настоящее Приключение, оказывается, не только прогулка на пони под майским солнышком, как вдруг Балин, постоянный дозорный, произнес:

– Вижу огонь, вон там!

Неподалеку виднелся густо заросший деревьями склон, и в темной чаще, правда, посверкивал огонь, уютный, красноватый огонек: то ли костер, то ли факелы.

Гномы некоторое время на него смотрели, потом поспорили. Одни говорили: «Нет», другие – «Да». Одни предлагали пойти и посмотреть, что там такое, ибо все, что угодно, будет лучше, чем остаться почти без ужина, совсем без завтрака и всю ночь просидеть в мокрой одежде. Другие говорили:

– Места эти малоизвестные, горы слишком близко. Путешественники сюда редко заходят. Старые карты врут, все изменилось к худшему, и дороги не охраняются. Здесь, навер-

ное, ни про какого Короля не слыхали, и чем меньше любопытствовать по дороге, тем целее будешь!..

Слышались голоса:

– В конце концов, нас четырнадцать!..

– Куда девался Гэндальф?..

Последний вопрос повторили все по очереди. Тут дождь пошел сильнее, неразгоревшийся костер превратился в лужу, а Оин с Глоином подрались. Это решило дело.

– Как-никак, у нас есть Взломщик, – сказали гномы и пошли (со всеми предосторожностями) в ту сторону, где горел огонек. Пони они вели под уздцы. Поднявшись на склон, они оказались в лесу. Тропы, которая могла бы вести к жилищу, не было видно. Они пошли напрямик, продираясь в полной темноте сквозь чащу. Лес отзывался громким треском, скрипом и шорохами и недовольно гудел от их раздраженного ворчания.

Вдруг красноватый свет между стволами впереди показался совсем близким.

– Теперь очередь Взломщика, – сказали они, имея в виду Бильбо.

– Идите и все узнайте про этот свет: что там горит, не колдовство ли это, и нет ли опасности, – сказал Торин. – Поторопитесь и, если все в порядке, поскорее бегите назад. Если нет, тоже постарайтесь вернуться, а не сможете – ухните два раза филином и один раз совой, мы что-нибудь придумаем.

Пришлось хоббиту идти, он даже не успел объяснить, что ухнуть филином не сможет ни одного раза, а кричать совой умеет не лучше, чем летать летучей мышью. Но зато хоббиты умеют быстро и совершенно бесшумно передвигаться по лесу. Этим они очень гордятся, и Бильбо не однажды пофыркивал по поводу «гномьего шум-гама», как он выражался. Мы-то с вами, я думаю, в такую ночь под шум ветра даже всю их кавалькаду заметили бы только в двух шагах от себя, а Бильбо так осторожно крался к красному огоньку, что, наверное, и пугливый хорек усом бы не шевельнул.

* * *

Разумеется, он благополучно добрался до самого костра (ибо это был костер) и увидел вот что.

Три великана сидели вокруг горевших ярким пламенем буковых бревен и жарили баранину на заостренных деревянных палках, время от времени слизывая с пальцев капающий сок и жир. Вокруг разносился аппетитный запах. Под рукой у великанов стоял бочонок с питьем, которое они пили большими кружками. Великаны были троллями. Явно и несомненно троллями: даже Бильбо, слыхавший о них только по рассказам, сразу узнал их по грубым чертам тупых лиц, по их росту, форме ног, не говоря уже о речи, которая совсем-совсем не напоминала приличную застольную беседу!

– Вчера баранина, сегодня баранина, и провалиться мне, если завтра будет не баранина! – сказал один из троллей.

– Да, мы уже давно не видели даже паршивенького куска человечины! – поддержал второй. – О чем думал этот Вильям, чтоб ему лопнуть, когда нас сюда тащил? Питье на исходе, чего уж хуже! – продолжал он, толкнув под локоть Вильяма, который как раз в этот момент опрокидывал кружку в глотку.

Вильям чуть не захлебнулся.

– Заткнись! – сказал он, как только откашлялся. – И не воображай, что люди все время будут здесь селиться, чтобы вы с Бертом их лопали. С тех пор как мы пришли сюда с гор, вы вдвоем полтора поселка умолотили. Сколько вам еще надо? Сейчас такое время, что лучше скажите спасибо Биллу за жирного барашка, которого жрете.

Он выхватил из костра баранью ногу, впился в нее зубами, оторвал большой кусок и вытер губы рукавом. Следует заметить, что тролли, даже одноголовые, обычно вот так себя ведут.

Сообразив, чем тут пахнет, Бильбо решил немедленно действовать. Можно поскорее вернуться и предупредить друзей, что рядом три большущих тролля в скверном настроении, похоже, не прочь съесть жареного гнома или хотя бы пони. А можно что-нибудь быстро и красиво украсть. Настоящий первоклассный сказочный Взломщик в таком случае залез бы к троллям в карман (что почти всегда окупается, если удастся), подхватил бы баранину прямо с огня, похитил бы пиво и смылся бы так, что его бы не заметили. Кто-нибудь менее тщеславный и более практичный, наверное, ткнул бы каждого тролля кинжалом, а потом весело провел остаток ночи.

Бильбо все это знал. Он много читал, хотя в жизни ничего подобного не делал и даже не видел. Ему стало очень страшно и противно. Он бы с удовольствием оказался в сотне миль отсюда и все-таки он почему-то не смог повернуть назад и побежать к Торину и Компании с пустыми руками. Он стоял в темноте и медлил. Что бы такое стянуть? Из всех рассказов об ограблениях самыми легкими ему казались карманные кражи. Итак, он притаился за деревом, у которого сидел Вильям.

* * *

Берт и Том отошли к бочонку. Вильям успел налить новую кружку. Бильбо набрался храбрости и залез маленькой ручкой в его огромный карман. Там был кошель, показавшийся хоббиту мешком. «Ха, – подумал он, проникаясь интересом к новому занятию, и осторожно потянул кошель из кармана. – Начало есть!»

Ничего себе начало! У троллей кошельки с подвохом, и этот исключением не был.

– Эй, кто ты? – запищал он, как только оказался не в хозяйском кармане. Вильям тут же обернулся и подцепил Бильбо за шиворот раньше, чем хоббит успел нырнуть за дерево.

– Чтоб мне провалиться, Берт, глянь, кого я поймал! – сказал Вильям.

– Кого? – спросили остальные, подходя.

– Кабы я знал! Ты кто?

– Бильбо Торбинс, Взло... х-хоббит! – сказал несчастный Бильбо, напрасно пытаясь вспомнить, как ухают совы, и весь дрожа от страха, что его вот-вот придушат.

– Взлохоббит? – удивились они. Тролли тугодумы, соображают медленно и ко всему новому относятся жутко недоверчиво.

– А что делал взлохоббит у меня в кармане? – спросил Вильям.

– Из него что-нибудь приготовить можно? – спросил Том.

– Попробуем, – сказал Берт, беря вертел.

– Раз укусить, на второй не хватит, – сказал Вильям, успевший плотно поужинать. – А если шкуру ободрать и кости вытащить, то и того не будет.

– Может, рядом еще такие есть, тогда испекли бы пирог, – сказал Берт. – Эй ты, кролик паршивый, тут в лесу таких, как ты, много шныряет? – спросил он, посмотрев на мохнатые ножки хоббита, ухватился за них и встряхнул беднягу.

– Полно, – сказал Бильбо, и тут же подумал, что друзей выдавать нехорошо. – Нет, никого, совсем ни одного, – добавил он.

– Это как понимать? – сказал Берт, держа его на весу уже за волосы.

– Так, как я сказал, – глотая воздух, ответил Бильбо. – И, пожалуйста, не готовьте меня, почтенные господа! Я сам хорошо готовлю, уверяю вас, я лучше готовлю, чем готовлюсь! Да поймите же! Я вам замечательно сготовлю что-нибудь, я вам приготовлю вкуснейший завтрак, если вы меня не съедите за ужином!

– Жалкая малявка, – сказал Вильям. За ужином он съел столько, что больше в него уже не влезло бы, да еще пивом налил. – Выпусти его!

– Пусть сперва скажет, что значит «полно и совсем ни одного», – сказал Берт. – Не хочу, чтобы мне горло во сне перерезали. Подержим его пятками над огнем, чтоб заговорил!

– Я не разрешаю, – сказал Вильям. – Все-таки я его поймал.

– Дурак ты пузатый, Вильям, – сказал Берт. – Сегодня я уже это говорил.

– А ты грубиян!

– А я тебе за это врежу, Билл Граббинс! – сказал Берт и ударил Вильяма кулаком в глаз.

Потасовку они устроили великолепную. Когда Берт уронил Бильбо на землю, ему чуть мозги не отшибло и соображения хватило только на то, чтобы уползти из-под ног великанов. Два тролля дрались, как бешеные псы, громко обзывая друг друга совершенно подходящими именами. Скоро они уже сцепились и покатались чуть не в костер, пинаясь и молотя друг друга кулаками, а третий, Том, пытаясь привести их в чувство, лупил обоих большой веткой, от чего они, конечно, только больше злились. Для Бильбо наступило самое время, чтобы удрать, но Берт своей лапицей сильно помял ему ноги, он задыхался, у него кружилась голова, и он без сил лежал как раз за кругом света от костра.

В самый разгар драки появился Балин. Гномы различили шум издали, некоторое время подождали, но Бильбо не увидели, уханья совы не слышали и друг за другом направились к костру, стараясь красться как можно тише. Заметив вышедшего на свет Балина, Том дико взвыл. Тролли не выносят гномов (в сыром виде).

Берт и Билл немедленно прекратили драку, дружно сказали:

– Мешок! Скорее, Том! – и прежде чем Балин сообразил, где в этой суматохе искать Бильбо, его накрыли мешком и повалили.

– Это не все, – сказал Том, – или я сильно ошибаюсь. Это «полно и никого», вот что. Никого взлохоббитов и полно этих самых гномов.

– Кажись, ты прав, – согласился Берт. – Лучше уйдем от света.

Они отступили в тень и стали ждать там с мешками, в которых таскали баранов и другую добычу.

Как только подходил очередной гном и вытаращивал глаза на костер, опрокинутые кружки, недоеденную баранину, так хлоп! – он оказывался в вонючем мешке и на земле. Рядом с Балином свалили Двалина, тут же Фили в одном мешке с Кили, на них – кучей – Дори, Нори, Ори; а Оина, Глоина, Бифура, Бофура и Бомбура кинули у костра, как попало, самым неудобным образом.

– Так им и надо, – сказал Том.

Бифур и Бомбур доставили троллям больше всего хлопот, дрались, как бешеные, как умеют гномы, когда больше ничего не остается.

Торин подошел последним – поймать его врасплох не удалось. Он ждал неприятных неожиданностей, и ему даже не надо было видеть торчащие из мешков ноги друзей, чтобы сообразить, что дела плохи. Он остановился в тени несколько поодаль и произнес:

– В чем тут дело? Кто сшибает моих подданных?

– Тролли! – сказал из-за дерева Бильбо, про которого совсем забыли. – Они прячутся в кустах с мешками.

– Да ну? – сказал Торин и успел прыгнуть к костру раньше, чем тролли прыгнули на него.

Он выхватил из огня пылавшую ветку, и Берт, не успевший отскочить в сторону, получил этой веткой в глаз. Таким образом, он ненадолго выбыл из драки. Бильбо старался изо всех сил. Он схватил за ногу Тома – как сумел, потому что нога была толстая, как молодой ствол, – но Том, пытаясь поддать этой ногой угли, зашвырнул его в куст, а в лицо Торину полетели искры. За это Том получил веткой по зубам, так что один из передних вылетел. Ох и завыл он, я вам скажу! Но тут сзади подоспел Вильям и накрыл Торина мешком до самых пяток.

Драка закончилась. Гномы оказались в пренеприятном положении: все в завязанных мешках, а рядом три злющих тролля (причем двое в синяках и ожогах).

Тролли сразу заспорили, что лучше: изжарить добычу на медленном огне, мелко искрошить и сварить или просто садиться по очереди на каждого и давить, а потом есть, как студень. Несчастный Бильбо висел на колючем кусте, весь исцарапанный, в разодранной одежде, не смея шевельнуться от страха, что его услышат.

* * *

И тут вернулся Гэндальф. Но его никто не увидел. Тролли как раз остановились на варианте жаркого из гномов, чтобы съесть попозже.

– С жарким сейчас, наверное, заводиться не стоит, всю ночь проготовим, – неожиданно произнес кто-то. Берту показалось, что это Вильям.

– Это ты снова не заводись, Билл, – сказал он, – а то всю ночь проспори́м.

– Кто заводится? – удивился Вильям, который решил, что говорит Берт.

– Ты, – сказал Берт.

– Врешь, – сказал Вильям, и они снова начали спорить.

В конце концов, было решено добычу мелко искрошить и сварить. Тролли достали большой черный котел и ножи.

– Какой смысл варить? У нас воды нет, колодец далеко, и вообще... – снова произнес чей-то голос. Берту и Вильяму показалось, что говорит Том.

– Заткнись! – сказали они. – А то мы ничего не сделаем. Еще хоть слово скажешь, сам и пойдешь за водой!

– Сам заткнись! – Том, думая, что говорит Вильям, обиделся. – Кроме тебя зади́раться некому!

– Олух! – сказал Вильям.

И они снова завелись, даже опять чуть не дошло до драки, но, утихомирившись, тролли согласились, что лучше всего садиться на мешки и давить их по очереди, а варку отложить до другого раза.

– На кого первого садиться? – раздался голос.

– Лучше сперва на последнего, – сказал Берт, который был зол на Торуна из-за подбитого глаза и думал, что говорит Том.

– Кончай сам с собой разговаривать! – сказал Том. – Хочешь сесть на последнего, так садись. Это который?

– В желтых чулках, – сказал Берт.

– Чушь! Последний в серых, – сказал голос, похожий на голос Вильяма.

– В желтых, я хорошо запомнил, – сказал Берт.

– И я говорю, в желтых, – подтвердил Вильям.

– Чего ж ты говорил, что в серых?

– Ничего я не говорил. Это Том!

– Я вообще ничего не говорил, – сказал Том – Это ты!

– Оба хороши! Заткнись! – крикнул Берт.

– Ты кому говоришь? – спросил Вильям.

– Прекрати! – сказали хором Берт и Том. – Ночь проходит, нынче светает рано. За дело!

«Кого рассвет застанет, тот вечным камнем станет!» – сказал кто-то голосом Вильяма.

Но это был не Вильям. Ибо как раз в этот момент из-за холма вырвался луч рассвета, в ветвях громко защебетали птицы, и Вильям замолчал навеки, превратившись в камень. Он так и остался стоять, наклонившись к Берту и Тому, которые окаменели сидя. И до сих пор они там торчат, совсем одни, только птицы на них садятся. Ибо тролли, как вы, наверное, знаете,

должны перед рассветом прятаться под землю, иначе они навеки превращаются в неподвижные камни, из которых вышли. Вот что случилось с Томом, Бертом и Вильямом.

* * *

– ...Отлично! – сказал Гэндальф, выходя из-за дерева и помогая Бильбо выкарабкаться из терновника.

Тут Бильбо понял! Это же голос мага продержал троллей до рассвета за спорами и пререканиями, а с первым лучом солнца им пришел конец.

Надо было поскорее развязать мешки и выпустить гномов. Они чуть не задохнулись и были до крайности раздражены. Кому понравится слушать, как тролли собираются то зажарить тебя, то раздавить, то искрошить? Бильбо пришлось дважды повторить рассказ о том, как он влип, пока они успокоились.

– Нашел время учиться по карманам лазать, карманник несчастный! – сказал Бомбур. – Нам ведь не хватало только огня и еды!

– Именно этого ты у них ни за что не добыл бы без драки! – сказал Гэндальф. – А сейчас мы зря тратим время. Разве непонятно, что у троллей где-то поблизости должна быть пещера или яма – прятаться от солнца? Надо ее поискать!

Они вскоре нашли следы каменных башмаков, уходящих в чащу. Следы вели еще выше на склон, а там в густых кустах скрывалась каменная дверь в пещеру.

Открыть ее никак не удавалось, хотя они дружно толкали ее, а Гэндальф пробовал разные заклинания.

– А это подойдет? – спросил Бильбо, когда они уже устали и начали сердиться. – Я его на земле нашел, где тролли потасовку устроили.

Хоббит протягивал ключ, который Вильяму, наверное, казался совсем маленьким и незаметным. Ключ, видно, выпал у него из кармана раньше, чем он окаменел, так что им повезло.

– Что же ты столько времени молчал? – закричали гномы.

Гэндальф вставил ключ в замочную скважину. После этого дверь от одного толчка распахнулась, и они все вошли внутрь.

В пещере страшно воняло, на полу валялись кости, но на полках и на земле среди неряшливо разбросанной добычи – от тряпок и медных пуговиц до горшков с золотом, сдвинутых в углы – гномы нашли большие запасы еды. На стенах висела одежда, которая была троллям явно мала, – боюсь, что она принадлежала их жертвам. Рядом с платьем они увидели несколько мечей разной работы, длины и формы. Два меча сразу привлекли к себе внимание красотой ножен и усыпанных камнями рукоятей. Гэндальф с Торином взяли их себе. Бильбо выбрал кинжал в кожаных ножнах. Для тролля он мог бы послужить разве что карманным ножиком, а хоббиту сошел за короткий меч.

– Похоже, превосходные клинки, – сказал маг, внимательно разглядывая наполовину вынутые из ножен мечи. – Ковали их не тролли и не здешние люди, и не в наше время. Потом прочтем руны и узнаем больше.

– Тут такая вонь, давайте выйдем! – предложил Фили.

Итак, гномы вынесли горшки с монетами и ту еду, которая годилась для них и казалась нетронутой, а также полный бочонок пива. Было уже утро, требовался завтрак, а так как они сильно проголодались, то не стали воротить носы от тролльских запасов, тем более, что своей провизии у них почти не осталось.

Они поели хлеба с сыром, напились пива и поджарили себе на углях ветчину, а потом легли вздремнуть и спали до полудня. Ночь-то ведь у них прошла бурно.

Отдохнув, путешественники привели на гору пони, свезли вниз горшки с золотом, закопали их возле реки у Тракта, произнеся над этим кладом много заклинаний, чтобы его найти

на месте в случае возвращения. Когда все было сделано, путники опять сели верхом и затрусили по Тракту на восток.

– Можно полюбопытствовать, где ты пропадал? – спросил Гэндгльфа Торин, когда лошадь мага поравнялась с его пони.

– Заглядывал вперед, – сказал маг.

– А зачем тут же вернулся?

– Чтобы оглянуться назад.

– Это понятно, – сказал Торин. – Но не объяснишь ли подробнее?

– Я проехал вперед разведать дорогу. Наш путь скоро станет трудным и опасным. Кроме того, меня тревожит наш скудный запас провизии. Но не успел я далеко отъехать, как встретил пару друзей из Райвендела...

– Это где? – спросил Бильбо.

– Не перебивай! – сказал Гэндальф. – Через несколько дней, если повезет, ты сам туда попадешь и все узнаешь. Я говорил, что встретил двух людей Элронда. Они очень спешили, опасаясь троллей. Они и сообщили мне, что недавно с гор спустились три тролля, поселились в лесу недалеко от Тракта, распугали всех лесных жителей и устраивают засады на дорогах. Я почувствовал, что, наверное, нужен вам, и поспешил назад. В следующий раз будьте осторожней, а то мы никуда не дойдем!

– Спасибо тебе! – сказал Торин.

Глава третья. Короткий отдых

В тот день никто не пел и не рассказывал забавных историй, хотя погода хуже не становилась. Так прошел и следующий день, и еще один. Все чувствовали, что опасность теперь постоянно рядом. Ночевать приходилось под звездами, а питались они хуже, чем лошади: для тех вокруг еще росла трава, а в мешках путников продуктов становилось все меньше.

Однажды утром они перешли вброд мелкую речку, которая перекатывала камешки в шелестящей пене. Противоположный берег был крутым и скользким. Когда они вывели на него лошадок, им показалось, что горы будто шагнули навстречу, так они близко теперь стояли. До подножия ближайшей горы оставалось не больше дня пути. Темная громада выглядела мрачно, хотя по ее бокам скользили солнечные пятна и за ней сверкали снежные пики.

– Это и есть та самая Гора? – очень серьезно спросил Бильбо, глядя на нее круглыми глазами. Он никогда такой громадины не видел.

– Конечно, нет! – сказал Балин. – Это только отроги Мглистых Гор, а нам надо пройти через них, или под ними, или сквозь них, чтобы попасть в Лихолесье. До Одинокой Горы на востоке, где Смог стережет наши сокровища, даже оттуда будет еще далеко.

– Ух! – вздохнул Бильбо и подумал о том, как он уже устал от этого Путешествия, и опять – не в последний раз! – вспомнил об удобном кресле у камина в своей любимой гостиной, и о том, как уютно поет чайник на огне.

* * *

Теперь впереди ехал Гэндальф.

– Нам нельзя сбиваться с пути, – сказал он, – а то все пропадем. Во-первых, нужна еда, во-вторых, относительно безопасный отдых и, кроме того, надо найти правильный путь через Мглистые Горы, иначе мы в них заблудимся и придется возвращаться и начинать все сначала, если мы вообще сможем вернуться.

Гномы спросили, куда он собирается их вести, и он ответил:

– Как вы, наверное, заметили, мы подобрались к самому краю Пустоши. Где-то впереди прячется дивная Долина Райвендел, там в Последнем Убежище живет Элронд. Я послал ему весть через друзей, и нас ждут.

Это звучало утешительно, но дойти до Райвендела и найти Последнее Убежище на западе от Гор оказалось не так легко. Не было никаких ориентиров: ни деревьев, ни скал, ни поворотов, ни дороги, лишь полого поднимался огромный склон с заплатками сероватого мха и ржавой травы там, где была вода.

Прошло утро, миновал полдень; в молчавшей Пустоши не было никаких признаков жилья. Путешественники начали терять терпение и опасаться, что не попадут в Дом, который может находиться, где угодно. В пологом склоне вдруг стали открываться обрывы, на дне которых росли деревья и текли речки. Встречались узкие, но очень глубокие расселины с шумящими водопадами, через которые, кажется, можно было перепрыгнуть, попадались провалы такие, что не спуститься, не перепрыгнуть. Были трясины, на вид зеленые, с мягкой травой и яркими высокими цветами, но пони с поклажей пропал бы в них бесследно.

Пустошь, простиравшаяся от Брода до Гор, казалась бесконечной. Бильбо эта огромность поражала. Единственный путь в ней был отмечен белыми камнями, но они то утопали во мху, то оказывались настолько мелкими, что трудно было сыскать. Двигались путники очень медленно, хотя впереди ехал Гэндальф, который, казалось, действительно знал эти места. Он наклонял голову то вправо, то влево, мотая бородой, высматривая белые камешки. Уже смер-

калось, а отряд был не ближе к цели, чем утром. Давно прошло время чая, уже и ужинать было поздно, вокруг путников носились тучи мошек, луна еще не поднялась, пони Бильбо спотыкался о каждый камешек или корень.

* * *

Подъем по склону продолжался до позднего вечера и кончился так неожиданно, что лошадь Гэндальфа чуть не покатила в открывшийся спуск.

– Наконец-то! – воскликнул Гэндальф, остальные подъехали к нему. Далеко внизу расстилалась прелестная долина, слышалось журчание ручья по каменистому дну, ветер доносил запах свежей листвы, а где-то в зарослях за ручьем мерцал огонек.

Бильбо на всю жизнь запомнил тот спуск в сокровенную Долину. Пони спотыкались и скользили на крутой извилистой тропинке. Чем ниже они спускались, тем становилось теплее, одуряюще пахла хвоя, Бильбо вдруг захотелось спать, он пару раз ткнулся лицом в холку своего пони и чуть не упал, но потом оживился, да и все повеселели, когда спуск кончился.

Внизу было тихо, ласковый ветерок почти не шевелил листья дубов и буков. В сумерках зелень уже посерела, когда Отряд, наконец, оказался на открытой лужайке. Чуть ниже шумела река.

– Хм-м, пахнет эльфами! – подумал Бильбо и посмотрел на звезды. Звезды были голубоватые и яркие. Больше Бильбо ни о чем подумать не успел, потому что воздух уже звенел от песни:

*Куда вы спешите?
Встречали кого вы?
У ваших лошадок
Посбиты подковы,
По речке идет
Ряд бород через брод –
Тра-ля, тра-ля-ля!
Костер веселится,
Что ж вам не сидится?
Трещат головешки,
Пекутся лепешки,
Хотя бы на час
Оставайтесь у нас!
Ха-ха!
Куда вы идете
Совсем без дороги?
К нам хоббита Бильбо
Несут его ноги,
А Двалин и Балин
Немножко устали,
Тра-ля, тра-ля-ля!
А вечер темнеет,
А день догорает,
Лошадки робеют,
Дороги не знают!
Останьтесь сейчас,
Послушайте нас!*

*А с нами споете –
Всю ночь не заснете,
Ха-ха!*

Эльфы на деревьях смеялись и пели. Вы скажете, что это – чепуха, но им-то все равно: даже если вы им самим так скажете, они будут только больше смеяться и громче петь. Они же – эльфы!

Темнота сгустилась, но Бильбо видел отдельные мелькающие легкие фигурки. Эльфы ему нравились, хотя встречался он с ними редко и немножко их побаивался. А вот гномы с эльфами не дружат. Солидные гномы вроде Торина считают их глупыми (что само по себе очень глупо) и надоедливymi. Дело в том, что эльфы дразнятся и посмеиваются над гномами, особенно над их бородами.

– Ну и ну! – раздался голосок. – Только взгляните: хоббит Бильбо верхом на пони! Какая прелесть!

– Чудеса, да и только!..

Тут же зазвенела следующая песенка, такая же нелепая, как и предыдущая, которая только что была записана полностью. Наконец из-за куста вышел высокий эльф и поклонился Гэндальфу и Торину.

– Добро пожаловать к нам в Долину! – сказал он.

– Спасибо! – буркнул Торин, а Гэндальф, уже спрыгнувший с лошади, сразу оказался в гуще эльфов и весело с ними болтал.

– Вы зашли немного в сторону, – сказал высокий эльф. – Вам ведь надо в Последнее Убежище, а туда только одна дорога, через речку. Мы вам ее покажем. Вам лучше идти пешком, пока не перейдем мостик, потом опять сядете на пони. Я слышу запах костров, там только начали готовить ужин. Может быть, отдохнете немного у нас и попоем вместе?

Хоть Бильбо изрядно устал, он бы с удовольствием остался и послушал. Пение эльфов под звездами в июне – это прекрасно, если вы в таких вещах разбираетесь. И ему хотелось перекинуться парой слов с теми, кто, кажется, знал о нем все, хотя он их раньше не видел. Было бы интересно узнать их мнение о своем Приключении. Эльфы многое знают, у них всегда удивительные новости, и вести о людях им становятся известны быстрее, чем вода течет. Но гномы были настроены только на ужин, и чем скорее, тем лучше. Так что Отряд, не задерживаясь, отправился дальше.

Эльфы вывели их на хорошую тропу к берегу реки. Речка была быстрой и шумной, как всякая горная река летним вечером, когда весь день ярко светило солнце над вершинами и таял снег. Мостик был узкий, каменный, без перил, гномы по нему с трудом прошли, ведя пони в поводу друг за другом. Уже совсем стемнело, эльфы на берегу зажгли яркие фонарики и пели путникам веселые песенки, беззлобно поддразнивая их.

– Не мути бородой воду, отец! – кричали они Торину, который согнулся почти пополам, переходя мост. – Она у тебя и так длинная, без поливки растет!

– Смотрите, чтобы Бильбо все лепешки не съел! – дразнились они. – Он и так слишком толстый, в замочную скважину не пролезет!

– Тише, тише, Добрый Народ, и доброй ночи! – сказал Гэндальф, шедший последним. – В долинах есть уши, а у некоторых эльфов – слишком веселые языки! Доброй ночи!

Вот так понемногу Отряд добрался до Последнего Убежища, двери которого оказались гостеприимно распахнуты.

* * *

Странно, но обо всем хорошем, о приятно проведенных днях всегда рассказывается так быстро, что почти нечего слушать; а о неприятностях, о том, что вызывает дрожь и ужас, рассказы обычно выходят длинными и увлекательными. Путешественники долго пробыли в чудном Доме, не меньше двух недель, и покидали его неохотно.

Если бы речь шла только о нем, Бильбо с радостью остался бы здесь и никуда не поехал, пусть бы ему даже предложили перенестись в родную норку на крыльях мечты, без затруднений. Но рассказывать об их пребывании здесь, пожалуй, нечего.

Хозяином Дома был человек, Друг Эльфов, – один из тех, чьи предки упоминаются в странных легендах незапамятных времен – еще до войн эльфов и первых людей Севера со злыми гоблинами. Во время Путешествия Бильбо с гномами изредка попадались потомки тех эльфов и тех северных героев, и Элронд был их вождем.

Он был благороден и красив, как эльф, силен, как герой, мудр, как волшебник, трудолюбив и добр, как само лето. О нем сложено много рассказов, но для Бильбо и его спутников его Дом в те дни служил только Последним Убежищем, однако краткое пребывание там оказалось для них очень полезным, в чем вы сами убедитесь, если мы доберемся до конца этой истории.

О таком Доме путник может только мечтать. В нем можно поесть и поспать, поработать и подумать, услышать или рассказать интересную историю, спеть песню. В эту долину не заходило Зло. Если бы можно было пересказать вам хоть одну легенду или спеть песню, услышанную там! Отряд провел в Доме Элронда самые счастливые дни.

За это время путешественники, включая пони, отъелись и отдохнули. Их одежду починили. В них укрепилась надежда на успех и даже характеры улучшились. Дорожные мешки наполнились продуктами: легкими, чтобы можно было взять больше, и питательными, чтобы путники не ослабели, переходя горы. Точно накануне Дня Середины Лета они снова были готовы в путь. Им дали несколько добрых советов.

* * *

Элронд умел читать любые руны. В тот день он рассмотрел мечи, принесенные из логова троллей, и сказал:

– Это работа не троллей. Мечи старинные, они принадлежали западным Эльфам Высокого Рода, которые мне сродни. Очень старые мечи, их ковали в Гондолине для битв с гоблинами. Наверное, они стали добычей драконов или орков, ибо драконы и орки много столетий назад разрушили этот город. Меч Торина – это прославленный Окррист, что на древнем языке Гондолина означает «Разитель Орков», а меч Гэндальфа – Гламдринг, в переводе – «Молот, сокрушающий Врага». Его когда-то носил сам Король Гондолина. Берегите это оружие!

Торин задумался над этими словами.

– Я буду носить этот меч с честью, – сказал он. – Да придется ему вскоре опять разить орков!

– В горах это может очень скоро произойти, – заметил Элронд. – Но покажите карту!

Он долго смотрел на нее и качал головой, ибо хотя не одобрял некоторые привычки гномов и их любовь к золоту, драконов он ненавидел за жестокость и коварство и с горечью вспомнил о гибели города Дейла и опаленных берегах светлой реки Руны, над которой раньше звенели веселые колокола.

В небе ярко светила молодая луна. Элронд поднял карту, и белый лунный свет прошел сквозь нее.

– Смотрите, – сказал он. – Здесь Лунные Знаки, рядом с обычными рунами про то, что «Дверь Горы пять локтей высотой и в нее входят трое в ряд».

– Что такое Лунные Знаки? – спросил хоббит. Он обожал карты и, как я уже вам говорил, любил руны и всякие буквы и таинственные письмена, хотя когда писал сам, то получалось что-то вроде паутины – очень тоненько и не всегда разборчиво.

– Лунные Знаки – это те же руны, но в обычное время невидимые. Они видны, только когда через них проходит лунный луч, а если они написаны совсем хитро, то этот луч должен светить от луны, находящейся в той же поре, как в ту ночь, когда их писали. Лунные Знаки изобрели гномы. Твои друзья могли бы рассказать, что их наносят серебряными перьями. Эти были начертаны в канун Середины Лета давным-давно, при свете молодого месяца.

– Что там написано? – спросили хором Гэндальф и Торин, несколько уязвленные тем, что не они, а Элронд обнаружил надпись, хотя на самом деле они и не смогли бы ничего увидеть при другой Луне.

«Стой за большим камнем, когда шелкнет дрозд, – прочитал Элронд, – и последний луч солнца, заходящего в день Дарина, укажет замочную скважину».

– Дарин, Дарин, – сказал Торин. – Я ведь его наследник, он был предком предков Гномов Длиннобородых, основателем нашего рода.

– Тогда что такое «День Дарина?» – спросил Элронд.

– Первый день Гномьего Нового Года, – ответил Торин. – Все его знают как первый день последнего осеннего полнолуния, между осенью и зимой. Тогда и луна и солнце стоят на небе вместе. Но сейчас трудно точно определить, когда это будет, так что вряд ли нам это поможет.

– Поживем – увидим, – сказал Гэндальф. – Больше там ничего не написано?

– Ничего, что можно было бы прочесть сегодня, при этой Луне, – ответил Элронд и отдал карту Торину.

Потом они вместе пошли к реке, где в канун Середины Лета пели и танцевали эльфы.

Утро Середины Лета выдалось свежим, как никогда. Небо было синим и безоблачным, блики яркого солнца плясали на волнах веселой речки, эльфы на прощание пели добрые песни с пожеланиями удачи, начало дороги Отряду было известно, и наши путники бодро двинулись к выходу из Долины Эльфов по направлению к Мглистым Горам и неведомым землям за ними.

Глава четвертая. В горах и в пещерах

Через горы проходили бесчисленные тропы, и много тропинок вилось вверх и в направлении восточных склонов, но большинство из них были ложными и приводили в тупики или к обрывам; там орудовали зловредные силы, и путников на каждом шагу поджидали опасности. Следуя мудрым советам Элронда и полагаясь на хорошую память Гэндальфа, гномы и хоббит старались все время придерживаться правой стороны. Прошло много дней с тех пор, как они начали подниматься в горы. Много миль отделяло их от Последнего Убежища, а они все шли вверх и вверх. Дорога была грудной, опасной, пустынной, извилистой и долгой-долгой.

Они уже поднялись так высоко, что, когда остановились и оглянулись, увидели покинутые места глубоко внизу. Далеко-далеко на западе, где все расплылось в голубой дымке, остался Хоббитшир, а в нем уютная хоббичья норка, покой и безопасность. Бильбо зазнобило. Здесь, на высоте, был жестокий холод, в скалах свистел ветер. Полуденное солнце подтопило снега, и время от времени по склону скатывались камни: то мимо них (повезло), то через головы (страшновато). Ночами не было ни уюта, ни тепла, они боялись не только петь, но и говорить, слишком громким казалось эхо; тишина, кажется, соглашалась терпеть только шум воды, вой ветра и грохот камней.

«А там, внизу, лето, – думал Бильбо. – Сено косят, пикники устраивают. Урожай будут собирать и ягоды, а мы еще не начнем спускаться с гор». Остальные тоже приуныли, хотя, прощаясь с Элрондом в то ясное утро, бодро обсуждали, как пройдут горы, как быстро поскачут дальше по равнинам. Они надеялись дойти до потайной двери в Одинокой Горе не позднее первого осеннего новолуния. «А может быть, в День Дарина», – говорили гномы. Один Гэндальф тогда покачал головой и промолчал. Гномы много лет не ходили по этой дороге, а Гэндальф ходил и знал, как опасно стало Глухоманье с тех пор, как здесь поселилось зло. Драконы выгнали людей с их земель, а гоблины тайно расселились по всем горам после Битвы в Копях Мории. Иногда срываются планы даже мудрых магов вроде Гэндальфа и добрых друзей, таких, как Элронд, – ведь путешествовать приходится уже по краю Глухоманья. Маг Гэндальф был достаточно мудр, чтобы все это понимать.

* * *

Он боялся, что может случиться непредвиденное, и почти не надеялся, что им удастся благополучно миновать горы с высокими пиками и глухие ущелья, где не было законного Короля. Им и не удалось! Началась гроза, да не просто гроза, а небесное сражение. Представляете, какой страшной может быть сильная гроза на равнине или в речной долине, особенно когда сталкиваются две большие грозы?

Ночью в горах все это гораздо страшнее, а в ту ночь была настоящая небесная война между Востоком и Западом. Молнии расщеплялись, ударяя в вершины, скалы дрожали, громкие раскаты рассекали воздух и отдавались эхом в каждой пещере и щели. В черной тьме, заполненной страшным грохотом, то и дело вспыхивали молнии.

Бильбо такого в жизни не видел и даже представить себе не мог. Они уже были высоко в горах на узкой тропе; с одной стороны – стена, с другой – обрыв, под которым глубоко-глубоко в тумане еле угадывалось дно ущелья. От грозы их спасал нависающий карниз, но всю ночь хоббит продрожал под одеялом, не смея заснуть. Когда он высунул нос при вспышке молнии, то увидел, что на склоны по обе стороны ущелья вышли каменные гиганты и швыряют друг в друга камни, которые с грохотом катятся вниз, сталкиваясь, раскалываясь и сбивая по пути деревья. Потом поднялся ветер и полил дождь с градом. Ветер гнул дождевые струи и расшвы-

ривал градины во всех направлениях, так что карниз уже не прикрывал путников, и они сразу промокли до нитки, а пони стояли, опустив морды и хвосты, и тихонько ржали от страха, когда каменные гиганты разражались рокочущим хохотом, а горы отвечали раскатистым эхом.

– Так дальше не пойдет! – сказал Торин. – Если нас не поразит молния, не сдует ветер и не утопит ливень, то каменный гигант отфутболит нас в небо вместо мяча.

– Если можешь предложить место получше, отведи нас туда! – огрызнулся Гэндальф, у которого настроение было не из веселых – он тоже боялся гигантов.

Они немного поспорили, и спор кончился тем, что самых молодых гномов, Фили и Кили, послали искать надежное убежище. (Фили и Кили были лет на пятьдесят моложе остальных, обладали более острым зрением и всю дорогу выполняли такого рода поручения, особенно когда становилось ясно, что посылать Бильбо бессмысленно.)

– Если хорошо поискать, то обязательно найдешь, – напутствовал их Торин.

Если хорошо поискать, конечно, что-нибудь непременно найдется, но не всегда то, что ищешь. Так вышло и на этот раз. Фили и Кили почти сразу ползком вернулись, держась за скалу, чтобы их не сдул ветер.

– Мы нашли сухую пещеру, – сказали они. – Она тут недалеко, за поворотом, и пони там тоже поместятся.

– Вы тщательно осмотрели ее? – спросил маг, который знал, что пещеры в горах редко бывают необитаемыми.

– Конечно, конечно! – ответили Фили и Кили, хотя все знали, что они не могли этого сделать, потому что очень быстро вернулись. – Она не такая уж большая и не слишком глубоко уходит в скалу.

Когда имеешь дело с пещерой, опасность как раз в том и состоит, что сразу не знаешь, далеко ли она идет, куда приведет и что вас ожидает. Но на первый случай сообщение Фили и Кили их утешило. Путники стали собираться. Ветер все еще выл, и гром грохотал, и идти было очень трудно, особенно тяжело было тащить упирающихся пони, но пещера находилась действительно недалеко. В одном месте тропу преграждала скала. Возле нее в боку горы открывался низкий сводчатый проход, в который пони с трудом протиснулись, для чего их пришлось расседлать и снять всю поклажу.

Внутри было тихо и сухо, и все сразу почувствовали себя в убежище, но маг все-таки зажег свой жезл, чтобы осмотреться. Жезл вспыхнул, как давным-давно в столовой у Бильбо, и осветил всю пещеру. Она оказалась большой, но не очень, и в ней все-таки скрывалось что-то таинственное. Пол был сухой, в стенах – несколько удобных ниш. В одном углу удалось поставить всех лошадок, и они сразу уткнулись мордами в мешки с овсом, очень довольные, и так стояли, пофыркивая, а от их спин в тепле пошел пар.

Оин и Глоин хотели разжечь костер у входа и высушить одежду, но Гэндальф об этом даже слышать не желал. Самые мокрые вещи они разложили на камнях, достали из мешков одежду посуше, постелили одеяла, поели, закурили и стали для развлечения пускать колечки, которые Гэндальф превращал в цветные и гонял друг за другом под потолком, что всем очень нравилось. У гномов развязались языки, они забыли про грозу, вспомнили о сокровищах, и каждый придумывал, что сделает со своей долей (если все получится, что теперь не казалось таким уж невозможным), а потом они незаметно заснули – не подозревая, что в последний раз видят своих пони, багаж, пакеты и пакетики.

Кто знает, что приключилось бы дальше с ними самими, если бы не Бильбо (в первый раз он хоть немножко пригодился, хотя и произвольно). Получилось так, что хоббит долго ворочался и никак не мог заснуть, а когда, наконец, заснул, то сны ему привиделись кошмарные. Ему приснилось, что трещина в углу пещеры становится все шире и шире, и ему страшно так, что он не может даже кричать. Потом вроде пол в пещере проваливается, и он вместе со всеми летит неизвестно куда.

На этом он проснулся и увидел, что первая половина его сна сбывается. Трещина в углу действительно расширилась настолько, что открылся глубокий коридор, – и в нем исчезал хвост последнего пони. Конечно, Бильбо завопил так громко, как только мог, а это, несмотря на малый рост, у хоббитов получается очень громко.

* * *

Из глубины горы выскочили орки (так называется одно из племен горных гоблинов) – большие, безобразные орки, много орков, по шесть на каждого гнома и двое на Бильбо. Они похватали путников раньше, чем можно было сказать «раз-два», а на «три-четыре» уже волокли всех через трещину – всех, кроме Гэндальфа. Спасительная роль Бильбо была в том, что от его вопля в считанные секунды проснулся маг и успел высечь искру из своего жезла. Когда орки кинулись хватать Гэндальфа, пещеру осветила яркая вспышка, запахло порохом, и несколько орков упало замертво, остальные шарахнулись в стороны. Трещина захлопнулась. Гномы и Бильбо оказались пленниками в горе. Куда девался Гэндальф, никто не понял, но орки не собирались это выяснять. Они поволокли гномов и Бильбо в глубину, в темноту, туда, где могут жить только гоблины и тролли, то есть в самое сердце горы.

Ходы внутри пересекались и изгибались, но орки знали дорогу не хуже, чем мы знаем путь до ближайшей почты, и шли очень быстро, все вниз и вниз, подталкивая пленников. В горе было кошмарно душно, орки хохотали и что-то выкрикивали странными и глухими скрипучими голосами, пинали и щипали свои жертвы, а Бильбо при каждом пинке вспоминал свою уютную хоббичью нору и чувствовал себя несчастнее, чем когда тролль держал его за ноги вниз головой. Наконец перед ними появился красноватый свет и орки хрипло запели, словно закаркали, топая в такт плоскими ступнями по камням и дергая пленников:

*Гоп! Тол! Хлоп в лоб!
А ну, лезь! Трещина здесь!
Кто к нам попал – в черный провал!
Хватай, держи, когтями вцепись!
В логово гоблинов, вниз, вниз
Добычу тащи, парень!
Трах! Бах! Мы – сила и страх!
Лязг и грохот – цепи ковать!
Клещи и молот – кости ломать!
Веди их в тюрьму, в подземную тьму –
Хо-хо, парень!
Ожги кнутом! Лупи хлыстом!
Плети свистят, лбы трещат.
Получишь ногой – скули и вой!
Раб, работай, не вздумай удрать!
Пора нам, оркам, пить, хохотать,
У нас в подземелье свое веселье,
Чеши вниз, парень!*

Звучало это жутко. Между стен раскатывалось эхо от «Гоп! Топ! Трах! Бах!» и противного смеха «Хо-хо, парень!» Увы, смысл песни был более чем ясен. Орки достали плети и хлестали пленников, выкрикивая: «Жги, лупи!» и гнали их бегом все быстрее, так что гномы уже скулили и чуть не выли, когда наконец их пригнали в большую пещеру.

В середине горел большой костер, по стенам торчали факелы. В пещере толпились орки. Увидев входящих гномов (за которыми еле поспевал бедный Бильбо, чаще других получавший удар плетью), они захлопали в ладоши, загоготали, а орки-погонщики защелкали вокруг пленников кнутами. Пони уже стояли в углу, а имущество Отряда валялось кучей, в которой орки рылись, обнюхивая, ощупывая, выхватывая друг у друга отдельные вещи и противно рыча при этом. Увы, гномы простились со своими превосходными пони, и с крепеньким задорным белым коньком, которого дал Гэндальфу Элронд, ибо крупная лошадь не прошла бы по горным тропам. Ведь орки едят лошадей, и пони едят, и осликов (и кое-кого еще, что ужасно) и всегда при этом голодны. Однако пленники думали только о себе. Орки связали гномам руки цепью и повели их в дальний угол пещеры. Бильбо оказался последним в цепи.

* * *

На плоском камне в конце пещеры сидел огромный большеголовый гоблин, а вокруг него стояли орки-охранники, вооруженные топорами и кривыми саблями.

Орки, как и остальные гоблины, вообще злы, коварны и жестоки. Они не изготавливают красивых вещей, но умеют делать хитроумные вещи. Они могут рыть туннели и добывать полезные ископаемые, как гномы, но обычно даже этим не занимаются и живут в грязи и беспорядке. Они прекрасно умеют ковать топоры, мечи, молотки, лопаты, клещи и орудия пыток, но чаще заставляют заниматься этим своих пленников, а пленники, их рабы, работают до изнеможения без воздуха и света, пока не умрут. За долгие века было изобретено много орудий и машин для массового убийства людей, и гоблины наверняка приложили к этому руки: они всегда обожали механизмы, колеса и взрывы и ленились работать; но в те далекие времена и в тех местах они не достигли еще даже такого прогресса. Гномов орки ненавидят не больше, чем всех вообще; бывали случаи, когда они жили бок о бок с гномами и даже заключали с ними союзы. Но орки терпеть не могут порядок и порядочность, а роду Торина они не могли простить старые гномьи победы (о которых в этой истории не рассказывается, потому что они были очень давно); и вообще, чем беззащитнее те, кто попадает к ним в лапы, тем хуже орки с ними обращаются.

– Кто эти жалкие твари? – спросил Главарь орков.

– Гномы и вот этот! – сказал один из погонщиков и дернул за цепь так, что Бильбо упал на колени. – Они прятались у нашего Парадного Выхода.

– Как ты это объяснишь? – повернулся Главарь к Торину. – Ничего хорошего ты наверняка не замыслил. Шпионил за моим народом? Может быть, вы все – воры? Или убийцы? Наверное, друзья эльфов? Ну! Что скажешь?

– Гном Торин, готов служить! – ответил Торин. Служить он, конечно, не собирался, но так было вежливо. – Ни о чем, что ты подозреваешь, мы не думали. Пещера показалась нам удобной, чтобы спрятаться от дождя и грозы; мы полагали, что она необитаема, и не собирались тревожить орков! (И это была истинная правда!)

– Хм, это ты так говоришь! – сказал Главарь. – А если я спрошу тебя, зачем ты вообще оказался в наших горах, откуда ты идешь и куда? Я хочу все о тебе узнать, гном Торин Дубоцит. Тебе это, конечно, не поможет, потому что я уже много знаю о кознях твоего рода; но выкладывай правду!

– Мы идем навестить своих родственников, племянников, племянниц, двоюродных и троюродных братьев и сестер, а также других потомков наших прадедов, которые живут на востоке от этих гостеприимных гор, – ответил сдержанно Торин, не зная, что еще придумать. Он догадался – если орки узнают правду, то будет еще хуже.

– Он лжет, о Великий! – сказал один из тех, кто их привел. – Несколько наших убила молния в пещере, и они там мертвые валяются. И вот это он не объясняет, – орк протянул ему меч Торина – меч из логова троллей.

Главарь орков взглянул на меч, испустил яростный вой, а его охранники затопали, заскрипели зубами и застучали щитами, потому что тоже узнали этот меч. В свое время от него погибли сотни орков, когда белокурые эльфы из Гондолина бились с ними на холмах и у городских стен. Эльфы называли его Оркрест, а орки со страхом и ненавистью окрестили «Кусачий».

– Убийцы! Друзья эльфов! – орал Главарь орков. – Бейте их! Хлещите! Кусайте! Бросьте их в змеиные норы, пусть они никогда не увидят света! – он пришел в такую ярость, что сам спрыгнул со своего камня-трона и кинулся на Торина, оскалив зубы.

* * *

В это самое мгновение все факелы в пещере погасли, а большой костер – ф-фф-фу! – превратился в голубую дымовую башню, вырос до потолка и обрызгал орков снопами белых раскаленных искр. Невозможно описать, какой при этом поднялся вой, стон, визг, рычание, шипение, крик... Наверное, если поджаривать живьем сотню диких кошек и волков, громче не будет. Искры жгли орков, а дым слепил их. Они натыкались на стены и падали, от боли и злости кусались, лягались и дрались друг с другом, будто посходили с ума.

Вдруг чей-то меч будто сам по себе выскочил из ножен, и Бильбо увидел, как он засветился, как пронзил Главаря орков, как затем от него кинулись врассыпную орки-охранники. Главарь остался лежать, где стоял, в самой середине зала, меч вернулся в ножны, а Бильбо услышал сильный и спокойный голос:

– За мной. Быстро, – после чего цепь натянулась и маленький хоббит побежал, мелко перебирая ножками, по темным переходам, куда тащила его цепь, стараясь не упасть. Впереди бледной звездочкой двигался голубоватый огонек.

– Быстрее! – опять раздался тот же голос. – Пока они не зажгли факелы.

– Минутку! – сказал Дори, очень славный гном, бежавший перед Бильбо. Он присел, помог Бильбо взобраться к нему на спину, насколько позволяла цепь, и все побежали дальше, спотыкаясь, потому что руки у них были связаны.

Остановились они, наверное, в самом сердце горы. Гэндальф (а это, конечно, был Гэндальф) зажег свой Жезл поярче, но никто не спросил, как он очутился в пещере, ибо всем было не до вопросов. Маг снова вынул меч, и меч опять блеснул в темноте ярким светом. Он загорался от гнева, если рядом был враг. Сейчас он светился голубым пламенем от радости, что сумел убить страшного хозяина пещер.

Обрубить гоблинские цепи и освободить всех пленников никакого труда не составило. Как вы помните, меч назывался Гламдринг, «Молот, сокрушающий Врага». Гоблины называли его просто «Лупило» и ненавидели еще сильнее «Кусачего». Меч Оркрест тоже был здесь – Гэндальф успел выхватить его из рук перепуганного орка и взял с собой. Гэндальф вообще о многом подумал. Конечно, он не был всемогущ, но отлично выручил попавших в трудное положение друзей.

– Все здесь? – спросил Гэндальф, с поклоном протягивая Торину меч. – Раз – это Торин, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать... Где Фили и Кили? Ага, вот они!.. Двенадцать, тринадцать... Вот и господин Торбинс – четырнадцать! Ну-ну, могло быть хуже, но могло быть и лучше, конечно. Пони нет, еды нет, мы не знаем, где мы, а в горе полно злющих орков. Пошли дальше!

И они пошли дальше.

Гэндальф был прав – орки хрипели и кричали где-то совсем рядом, их жуткие возгласы заставили гномов опять бежать, что они при необходимости умеют делать очень быстро, а так как бедняга Бильбо за ними не успевал, его по очереди тащили на спине.

Но орки вообще бегают быстрее гномов, а эти еще и лучше знали дорогу (сами ведь выкапывали ходы) и были до крайности обозлены, так что расстояние между беглецами и преследователями все время сокращалось.

Гномы уже слышали топот вражьих ног за ближайшим поворотом и видели красноватые вспышки факелов, а сами так устали, что, казалось, вот-вот упадут.

– И зачем только я ушел из моей родной хоббичьей норки! – ныл Бильбо, трясясь на спине Бомбура.

– И зачем только мы взяли этого жалкого невысоклика в поход за сокровищами! – бормотал несчастный Бомбур, обливаясь потом и чувствуя, что у него самого сердце в пятках от страха.

Гэндальф резко обернулся. Торин тоже остановился.

– Кругом! – закричал Гэндальф. – Торин, доставай меч!

Больше ничего не оставалось делать, ибо орки наконец их настигли. Они высыпали из-за угла и остановились, увидев два сверкающих меча.

– Кусачий! Лупило! – заорали передние, побросали факелы, но уйти от удара не успели. Задние заорали еще громче и отступили, сбивая друг друга с ног. Проход очистился.

Орки не скоро осмелились снова напасть на гномов и дали им уйти далеко в темные туннели. А потом послали вперед самых ловких бегунов, которые помчались босиком, без факелов, бесшумно, как летучие мыши. Ни Бильбо, ни гномы, ни даже Гэндальф их сразу не заметили.

Внезапное нападение удалось оркам еще и потому, что Гэндальф светил своим товарищам Жезлом, и гномов было хорошо видно. Напали орки снова из-за угла.

Дори, который в тот момент нес на спине Бильбо, почувствовал, как кто-то схватил его из темноты, – он вскрикнул и упал. Бильбо скатился с него, ударился головой о камень и потерял сознание.

Глава пятая. Загадки во мраке

Когда Бильбо открыл глаза, ему показалось, что он не смог этого сделать, – так темно было вокруг. И он был один! Представьте, как он испугался! Он ничего не слышал, ничего не видел и ни до чего не мог дотянуться, кроме каменного пола пещеры.

Очень медленно Бильбо поднялся на четвереньки и дополз до стены. Она была совсем гладкой и по ней определить ничего не удалось. Не было слышно ни орков, ни гномов. Голова у хоббита кружилась, он никак не мог сообразить, в каком направлении они шли до того, как он упал.

Так он довольно долго ползал и шарил руками, надеясь найти хоть какой-нибудь ориентир, и вдруг нащупал что-то холодное и гладкое. Оказалось – металлическое колечко. Бильбо его машинально подобрал, не подозревая, что этот случайный поступок станет поворотным пунктом в его жизни. Подобрав, он так же машинально сунул его в карман, ибо в данный момент оно ему было ни к чему, авось потом пригодится. После этого он сел на холодный пол и принялся оплакивать свою несчастную судьбу.

Там, на белом свете, наверное, наступило время обеда. Бедный хоббит вообразил, как он обычно в это время жарит у себя на кухне яичницу с ветчиной, – и только пришел от этого в еще большее отчаяние. Потом он долго лежал без всяких мыслей, потому что не мог понять, как все случилось, почему так сильно болит голова, почему про него забыли и почему орки его не поймали, раз он остался один. (А случилось именно потому, что он был один в самом темном месте и, стукнувшись головой, долго пролежал очень тихо.)

Немного придя в себя опять, он нащупал трубку. Она оказалась целой и немножко табака в кисете осталось, но увы! Огонь достать было негде, ни одной спички он не нашел. Потом он подумал, что особого горя в этом нет, ибо кто знает, какую еще беду можно привлечь к себе из темных закоулков вспышкой света и запахом табака. Щупая карманы в поисках спичек, он наткнулся на кинжал из логова троллей, висевший на поясе, под штанами, орки его поэтому не заметили, да и сам он про него совсем было забыл, а теперь вытащил за рукоятку из ножен.

Кинжал засветился бледным светом.

«Значит, это тоже эльфийский клинок, – подумал он, – и раз он светится, то орки где-то недалеко, хотя не так уж и близко». Странно, но это его даже успокоило. Замечательно было носить меч, выкованный в Гондолине для битв с гоблинами; об этих битвах столько песен пелось! И он успел заметить, что на орков такое оружие производило внушительное впечатление.

«Вернуться?.. – продолжал он рассуждать. – Нет, не годится. Пойти вбок, свернуть с дороги? Невозможно: я не знаю, где дорога. Пойти вперед? А больше ведь и делать нечего. Итак, вперед!» – приказал он сам себе и пошел, сам не зная куда, одной рукой держа впереди себя маленький мечик, а другой щупая стену, сердце у него прыгало, как у зайца, и давно было где-то в пятках.

* * *

Бильбо, конечно, попал в безвыходное положение. Но надо помнить, что для него оно было не настолько безнадежным, каким было бы для меня или для вас. Хоббиты все-таки от людей отличаются, и хоть норки у них светлые, и хорошо проветриваются, и вовсе не похожи на орчьи пещеры, они все-таки к подземным туннелям привыкли больше нас и ориентироваться под землей умеют – особенно когда очухаются от удара головой о камень. Они могут очень быстро передвигаться, легко прячутся, легко переносят синяки и падения, для поднятия духа

у них большой запас смекалки и мудрых поговорок, которые люди давно забыли или никогда не слышали. Но все равно я бы не хотел оказаться на месте господина Торбинса.

У туннеля, по которому он шел, кажется, конца не было, и он явно опускался вниз, причем почти не изгибался. Иногда от него отходили боковые ходы, хоббит догадывался о них, если попадал рукой в пустоту или по свечению меча, но не решался в них сворачивать, а все шел вперед и вниз, вперед и вниз и никого не встречал, только иногда мимо его ушей с легким свистом проносились летучие мыши. Сначала он каждый раз вздрагивал от страха, потом привык: они слишком часто пролетали.

Не знаю, долго ли он так шел, ужасно боясь, но не смея останавливаться, все вперед, пока не устал так, что сильнее устать было просто невозможно. Ему казалось, что он уже идет по дороге в завтра, и она никогда не кончится.

И вдруг – шлеп! – под ногами стало мокро. Уф! Вода была ледяная.

Хоббит остановился как вкопанный. Меч почти не светился, значит, опасности практически не было, но Бильбо боялся идти дальше, потому что не знал, то ли это просто лужа на дороге, то ли выход подземного ручья, или берег реки, или глубокое пещерное озеро.

Он изо всех сил напряг слух, но услышал лишь звук капающей воды, других звуков не было.

«Значит, это не подземная река, а пруд или озеро», – подумал Бильбо.

В воду идти он боялся. Во-первых, он не умел плавать, а во-вторых, подумал о скользких пучеглазых существах, которые могли жить в этой воде.

В тайных озерах и водоемах у корней гор до сих пор обитают неведомые твари: рыбы, чьи прародители попали сюда в незапамятные времена, да так и не выплыли, отчего у их потомков глаза постепенно росли, росли и стали огромными в напрасных попытках хоть что-нибудь разглядеть в темноте, есть и еще более скользкие и противные гады. Даже в пещерах и переходах, которые орки обжили, попадают твари никому не известные. Твари эти пробрались сюда извне и затаились. А некоторые пещеры были тут спокон веку, орки только немного их расширили, и древние ползучие обитатели по-прежнему сидят в мрачных углах, вынюхивая добычу.

Здесь, у темной воды в глубине горы жил Голлум, худой и скользкий. Непонятно, откуда он пришел и кто он был. Голлум был Голлум, сам темный, а глаза большие, круглые и выпученные.

У него был челнок, и он бесшумно греб большими плоскими ступнями, свесив их по бокам челна, и таким образом передвигался по озеру и охотился: белесыми глазами-плошками высматривал слепую рыбу, потом молниеносно выхватывал ее из воды длинными пальцами. Мясо он тоже любил, и если подворачивалась орчати́на, то не упускал возможности полакомиться, но всегда принимал меры, чтобы его не заметили. Орков он тихонько душил сзади, когда они подходили поодиночке к озеру. Они, правда, редко приходили сюда, потому что чувствовали к этому месту инстинктивную неприязнь. Они наткнулись на озеро давным-давно, когда копали туннель, а поняв, что здесь вода и дальше пути нет, перестали сюда ходить, разве что Главарь посылал их за рыбой. Часто случалось, что назад он не получал ни рыбы, ни посланца.

* * *

Голлум жил на скользком островке-скале посреди подземного озера. И сейчас он отсюда наблюдал за Бильбо белесыми выпученными глазами.

Бильбо его не видел, а Голлум видел и догадался, что Бильбо – не орк, удивился и поэтому не спешил нападать. Но все-таки он сел в челнок и подгреб к берегу озера, туда, где присел Бильбо, у которого кончилась дорога, иссякли силы и даже мыслей уже не осталось.

– С-слава с-слу-чаю, Прелес-ссть моя! – зашипел он, подплывая ближе. – Из-ззыс-скан-ная трапез-за нас-с ож-жи-дает! Вкус-ссный кус-сочек, голлм-голлм! – На этом слове он с бульканьем сглотнул слюни. Звук получился жутковатый. Собственно, из-за этого звука Голлум и получил свое прозвище, сам-то он называл себя «Прелесть моя», а как его звали на самом деле, никто не знал.

Хоббит чуть не помер от страха, когда услышал шипение и увидел вперившиеся в него белесые глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.